

Номинация «Поэзия»

Шарахматова Маргарита

Счастливое мгновенье

Белые берёзы, хвойные леса...

Вьётся из-под ног тропинка.

Показалась в небе солнца полоса.

По дорожке я иду с корзинкой.

Тихо-тихо шелестит листва,

Капельки росы блестят на ветке.

Промелькнули, может, раз или два

Маленькие белочкины детки.

Птичьи голоса слышны вокруг,

Словно разговоры у подружек.

И такое чувство появилось вдруг,

Что мне этот лес безумно нужен!

Как же хорошо гулять в лесу!

Чувствуешь покой и вдохновенье.

Эту нежность сквозь года я пронесу,

Это счастье каждого мгновенья.

Земля

Ах, если бы Земля умела говорить,
Она б от боли громко застонала.
Заставила б людей
Прощения просить,
Земля б, наверно, людям так сказала:
« Не мачеха я вам,
Я вам родная мать!
Я вас пою, кормлю и согреваю.
Зачем меня сжигать,
За что меня взрывать?
Веками о покое я мечтаю!»
Ах, если бы Земля, умела говорить,
Она сказала б
- « Думайте о детях!
Их так легко убить,
Но тяжело растить,
На этом беспокойном
Белом свете.
Ни что вас не спасет,
Когда в короткий миг
Кровавый смерч
Охватит всю планету.
Чтоб вдруг не услышать

Последний детский крик,
Подумайте живущие об этом!»
Ах, если бы Земля, умела говорить
Она б сказала людям так, наверно,
-« Довольно враждовать!
Не лучше ль в мире жить?!
Храня своей Земле
Под солнцем верность!
Ведь вам меня пахать,
Ведь вам по мне ходить,
Судьба навечно вас
Со мной связала».
Ах, если бы Земля умела говорить....
Она б наверно людям так сказала...

Голубева Ксения

Стихотворение «Чудесная зима»

И снова белый снег
Гуляет на просторе.
Зимой так хорошо,
Когда снежок летит!
И Зимушка-зима
В серебряном уборе
По улицам летает
И в дудочку свистит.
А Дедушка Мороз
Узоры вьет на стёклах.
Всё сковывает реки,

И кутает дома.
А в доме у камина,
Свернувшийся в клубочек,
Спит крепко, очень сладко,
Мурлыка-кот Дымочек.

Кошелева Мария

Щенок

Подарили мне игрушку-
Презабавную зверушку:
Хвост торчком, четыре лапы
И бородка как у папы.
Любит прыгать на кровать
Лапкой мокрый нос чесать,
Хвостиком своим махать,
Но не знаю, как назвать...

Шарахматов Семён

Письмо солдату

Перестало быть мирным время!
Взрывы снова грохочут вдали...
Значит, тяжкое выпало бремя -
Защищать границы страны.

Мальчишки, мужчины - солдаты...

Вдаль идёт за отрядом отряд.

Нам одно лишь от вас теперь надо:

Постарайтесь вернуться назад!

Всё закончится, верьте, ребята!

Мир наступит, запахнет весной.

Шепчет мать у иконы с лампадой:

«Поскорей возвращайся домой!»

И, услышав слова простые,

Вновь вступают в тяжёлый бой

Наши мальчики, наши родные.

Возвращайтесь с Победой домой!

Аршук Анастасия

Последняя бабочка

Последняя бабочка есть у меня.

Она, на ладошке сложив два крыла,

Трепещет, дрожит на осеннем ветру.

И, видно, замёрзнет уже поутру.

Последняя бабочка – лета привет.

Летела на глаз моих солнечный свет.

Она обманулась. Жестоко. Как я.

Я думала: лето и ты – для меня.

Но лето изменчиво, впрочем, как ты.

И вот умирают и плачут цветы.

И нет уж пристанища бабочке той.

Наверно, умрёт она вместе со мной.

Невидимость проблем

Невидимость проблем...
Не ожидается цунами...
Не поглотит всё непригодное вода.
Планета польщена деньгами,
Не будет по-другому никогда.
Отчаяние - наш спутник верный,
Он в силах сокрушить всё на своём пути.
Обогатится скудное не сразу, не мгновенно.
Страдай, трудись, терпи!
Страдай, трудись, терпи...
Не стоит в мире грёз, воображения
Всё своё время дорогое проводить.
Мы победим страдания, насилие,
Ничто нас не способно разделить.

Страх

Ты только встал - уже устал,
Так и всю жизнь бы пролежал.
То, что терял, в других искал,
Ты слишком жалок, слишком мал.
Была когда-то и моя душа
Любви резервуаром.
И солнца свет, он ярче был
И в сердце полыхал пожаром.
Смотрел на небо раньше
С интересом и радостью,
И в будних ситуациях
Не замечал опасности.
Пустота. В голове нет идей.
Задаюсь вопросами
Уже несколько дней.
Красота вокруг меня,
Замечаю - боюсь создавать.

Что делать, если провал
Случится опять?

Вина

Мою душу разъедает чувство вины.
Я себя не прощу, ты хотя бы прости.
Не смогу, я боюсь, своё место найти.
Где причину зловещей искать пустоты?
Пугает темнота...
Какую выбрать дверь?
Я не был прав тогда,
Но прав ли я теперь?

Гений

Иногда мне кажется: я гений,
Всемогущий лидер, достигающий вершин.
Но лишь потом я вспоминаю,
Что не всегда был "номером один".
Много есть на свете мнений,
Индивидуально каждый ценен.
Осознавать приятно, что любим,
Безусловно, без целей и достижений.
Не стану пусть первым, не выйду из тени,
Не стыдно побыть и вторым.
Как перестать винить себя за что,
Что я устал от лени?
Как голос заглушить, что говорит:
"Не встану на колени!»

Цензура

Я не хочу быть осуждённым
И осуждаемым быть не хочу.
Как человек, в профессию влюблённый,
Умело свои мысли объясню.
Не прославляю я преступность.
Чужда мне гнусность,

И, если вдруг пойду ко дну,
Не о себе подумаю, о близких людях,
Что правду говорят всегда одну.
И если сдатьсь неприятности принудят,
Они меня обнимут и поймут...
Свободой пользуются цензоры,
Нет никаких у запретов границ.
Цензура – это путь деградации,
Размышлять - для запрещённых лиц.

Выбор

Проще ставить клеймо,
Анализировать нежели.
Общение - гора или каньон?
Пропать? Развитие?
Богатство, что нажили?
Пусть поощряет общество не порицать,
Пусть мыслит более рационально.
Ответственностью будет власть,
Народ же - нормами морали.
Мы к праву выбора должны
Подходить соответственно
И отголоски осуждающей молвы
Считать традиционным бедствием.

Ностальгия

Тишина - от боли лекарство,
Тишина - причина страдать.
Моя душа в другом пространстве,
Кажется, строить легче, чем ломать.
Шум волн ледяных. Пена.
Вода касается ног.
Камни, ракушки, отсутствие тлена,
Вернулся бы, если мог.
Или же утро, раннее, летнее...
Трава, мокрая от росы.

Яркое, одновременно блеклое
Ощущение светлой полосы.
Даря подарки, на скамейке сидя,
Я улыбался под светом солнца...
Голос внутри, неудачник и лидер,
Мне объяснил, что счастье вернётся.

Вопросы

Неумолимо время скачет,
Всё сокращая наши дни.
Вопросы: стану ли богаче
Или душе погибнуть от тоски?
Когда мне будет грустно, безнадежно,
Когда пробьёт мой невезенья час,
Не стану ль о себя я думать ложно,
Теплом весенним наслаждаясь без прикрас?

Панков Кирилл

Да, музыка всё же творит чудеса!

По улице тихой лечу словно ветер,
Улыбку сдержать не пытаюсь.
Индиго на город спускается вечер.
С толпой всё же я не сливаюсь.

Пропитан идеями, красками фраз,
А за спиною гитара.
Миг и наполнился музыкой класс,
С душой происходит сансара.

Да, музыка всё же творит чудеса!
И плоть очищает, и душу.
Дарит крыльев полёт, и веру в себя.
Ты счастлив и мир этот любишь!

« Я хожу по доске...»

Я хожу по доске. Слишком чёрствой тоске,
Знать и верить в неё не желаю.
Я иду по доске, я бегу по доске
И от жизни себя отрываю.

Я пою в тишине, я ору в тишине,
Я реву в тишине, только всё же...
Голубые глаза, в них живёт бирюза,
Что же мне в этом танце поможет?

Тихо-тихо слеза, как на листьях роса,
Я не знаю, во что приглядеться...
Молча с болью крича, убивать сгоряча,
От судьбы никуда нам не деться.

В небе птица летит, аккуратно парит
Между облаком Ада и Рая...
Он, наверно, убит, ведь стрелой пронзит,
Так кричи же, орёл, умирая!

Пусть пронзили стрелой, был орёл молодой,
Горделиво-воинственным взглядом,
Что как звезды горит, в нём цветёт малахит,
Но потушен был точным снарядом.

Поднимись же, мертвец, смерть ещё не конец,
Боль души перед боем теряя...
Каждый новый боец вновь пойдёт под венец,
Не бывает ведь Ада без Рая?

Памяти воинов Афганистана

Афганский зной. Жара под пятьдесят.
Закончен бой для нас двадцатилетних.
Нам не вернуться к матерям назад, —
Ведь мы погибли в том бою последнем.

На Родине нас вспомнят за столом,
И, может быть, поставят обелиски
Ведь мы вставали прямо под огнём
Оставшись лишь фамилиями в списках.

Мы обещали, что придем домой,
Когда два года подойдут к концу.
И мама скажет: «Здравствуй, дорогой!»
Смахнув рукой горячую слезу.

Нас дома нет уже который год.
А мама всё не верит, что погиб.
Всё чудится, - вдруг к дому подойдёт
Её сынок и двери отворит...

А мы лежим, засыпаны песком.
Нас не поднимут «Чёрные тюльпаны»...

Мы песни никогда не допоём,
И не залечит время наши раны.

Давно от крови высохла земля,
И замерли притихшие дувалы.
И помнит лишь далекая заря
Как уходил отряд за перевалы.

Сегодня здесь всё тот же зной, пески...
И так же вдаль уходят караваны...
Истории безжалостной листки
Навеки скроют пыльные барханы.

Южакова Полина

Комар

Однажды возгордившийся Комар
Перед собратьями своими хвастать стал,
что тоньше всех умеет он пищать
и выше всех умеет он летать.
Тут Человек, услышав эту речь,
к ответственности Комара
решил привлечь
и истребить весь комариный род
за человеческий покусанный народ.
Сидел бы ты, Комар, не
раскрывая рта,
Была б жива и вся твоя братва.

О Рыбаке и Рыбке.

Пошёл рыбак ловить рыбу, забросил сеть и вытащил маленькую рыбёшку.

Рыба хочет, чтобы дед - рыбак её выпустил, а рыбак упрямый, просит три желания исполнить. Рыба деду говорит:

-Ну, давай, пока маленькое исполню, ведь старая я стала и много желаний не осилю.

Дед радуется и, не внимая словам рыбки, говорит:

-Деткам по нёрфу; жене- айфончик, а мне, дедке старому, двор с пати!»

Рыба тяжёлёхонько вздохнула, ничего не поняла, желания не исполнила и умерла.

Мораль: чтобы получить всё, что хочется, нужно стараться, а не верить, что волшебники всё могут. А ещё слова надо понятные употреблять.

Номинация «Проза»

Касимова Дарья

«Такие грустные будни, и такие счастливые выходные»

Каждое утро, я смотрю вслед уезжающему автомобилю и грущу! Куда они едут? Почему не берут меня с собой? Я — Луна. Немецкая овчарка, верный друг, надежный охранник, со мной так весело, а они с собой не берут. Ну куда они уезжают? Весь день я сижу у забора и жду. Жду и скучаю. Скучаю и смотрю в щель забора, куда уехала машина. И даже Стёпа — Сибирский кот, слоняющийся без дела по участку, специально привлекающий моё внимание, не может меня отвлечь. Я грущу!

Стёпа. Этого хитрого котяру мои любимые хозяева пускают домой. Потому что он хитрый! Но когда они уезжают — кот МОЙ! Но я грущу, и у меня нет желания гоняться за ним по участку, потому что одному этим заниматься совсем не весело. То ли дело, когда хозяева рядом! Я бегу за Стёпой, они за мной, вот это веселье!

- Стёпа, а куда они уезжают?

- Не знаю, но хотелось бы чтобы вернулись побыстрее — холодновато сегодня. А еще у меня «вкусняшки» дома остались, а еще мне хозяйка разрешает на кровати, под одеялом валяться...

Вот же наглая морда! Специально меня заводит, чтобы я за ним побегала...

- Ну, держись!

Вот зараза, опять на дерево своё залез. Вот и сиди там. А я к забору — грустить! О! Опять эти ненормальные. Хозяева сказали, что это Воздушный шар. Этих наверно тоже дома собаки и кошки ждут, а они тут летают. Может и наши каждый день уезжают, чтобы на такой штуке летать?

- Стёпа, как думаешь?

- Вряд ли. Наши со мной по деревьям не лазают, значит как ты — высоты боятся.

- Да ты что?! Мой хозяин ничего не боится! Он знаешь, какой смелый! В прошлый раз на нас свора собак накинулась... ну как на нас... на меня. Так мы знаешь, как отбивались... ну как мы... Хозяин. Но мы все равно вместе были. А меня даже укусить успели. Так хозяйка мне раны обрабатывала. И когда ты мне нос поцарапал, она тоже обрабатывала. Потому что она тоже смелая! Вот! Ну вот мне снова грустно стало. В общем, пошла я к забору. Темнеет уже. Сейчас фонари зажгут и они приедут.

Я заметила, загорается фонарь, сначала у соседки напротив, овчарки Греты хозяева приезжают, а потом мои. Почему к Гретке раньше приезжают? Может, ее хозяева больше

любят?... Нееее! Мои вон как радуются, когда я их встречаю. Хозяйка сразу кормить бежит. Это потому что я весь день грущу качественно. Стёпке, правда тоже «вкусняшку» дают и я никак не пойму за что. Хозяйский сын — Тимур сразу бежит со мной с мячом играть. Он у нас футболист. Он пасует, я догоняю. Вот это я понимаю веселье! Еще мы с ним на такой штуке вместе прыгаем, батут называется. Стёпу с собой взяли однажды, но этот трус сразу сбежал и на дерево своё любимое залез. Да. Точно. Трус!

- Ой, Стёпа, смотри-смотри! Вон белая такая машина появилась...

Наши? Ну, наши же? Да! Эх, под воротами пролезть не могу. Ладно, сяду у калитки, прямо у входа. И чего они так долго из машины вылезают? Так, сбегаю к забору, проверю.

- Да! Да, хозяйка, я тут! Конечно тут! Да, весь день тут и сижу! Стёпу? Стёпу не обижала! Обидишь его. Да, хорошо себя вела! Никого не пускала, охраняла!

Ой, «вкусняшки»! Эй, а Степану то за что? Да что ж такое?!

- Ну, нам котам, вкусности просто так дают. Главное иногда притворятся ласковым и мурлыкать. Учись, всегда работает!

- Ну, Стёпа, уедут они завтра, я выделю для тебя чуть-чуть времени от «грусти»!

- А они завтра не уедут. Выходной у них!

«ВЫ-ХОД-НОЙ»?! Ура!!! Значит завтра можно совсем не грустить! Здравствуй мяч, привет батут. Прогулка по лесу с младшей хозяйкой. Хозяин целый день со мной на улице. Что-то ремонтирует, пилит, строит... Хоть бы у них стройка никогда не закончилась! Какое счастливое слово — выходной. Но всё равно нужно срочно придумать, как Стёпке отрезать пути к этому его «дереву-спасенья». Но это потом... А завтра самый счастливый день за неделю. Моя семья будет со мной. Мои самые лучшие и близкие люди. И даже Степан, куда уж без него!

Краморенко Марк

Семейная рана Памяти

В один из солнечных зимних дней мы с дедом убрали снег во дворе. Снежная куча все росла и росла. Форма ее мне напоминала известную всем гору Аю-Даг, что находится в Крыму и похожа на огромного медведя. Я подумал и вслух сказал: «Как жаль, что нет места для ската. Хорошая бы могла получиться горка! Вот бы весело покатались всей семьей со спины этого медведя!» После этих слов дед обнял меня за плечо и начал свой рассказ.

- Великая Отечественная война 1941-1945 года - рана Памяти каждой семьи. Со временем раны затягиваются, утихает боль, но это не про раны Памяти, которые постоянно

пульсируют не только в человеке, пережившем страшные годы войны, но и в поколениях, которым довелось узнать про войну из рассказов и историй близких людей. Твои прадеды - Твоя гордость! С первых дней войны твои прадедушки воевали на фронте, а прабабушки трудились в тылу. В нашей семье из поколения в поколение передается история, которая произошла в селе Колошино Духовщинского района Смоленской области зимой 1941 года.

Дед замолчал, сильно сжал кулаки, скрипнул зубами и начал свой рассказ:

- Война. Большая часть мужчин ушли на фронт. Жителями села Колошино в те годы были женщины, дети и старики. Женщины много трудились, мужская работа теперь тоже легла на их плечи. Пятнадцатого января после изнурительно трудового дня твоя прабабушка, Штукина Агриппина Илларионовна, как обычно, подошла к семилетней дочери Тане, чтобы поцеловать ее на ночь. Девочка попросила маму помочь завтра залить горку, которую они с соседскими детьми днем соорудили из снега. Твоя прабабушка улыбнулась и пообещала дочке управиться с делами пораньше и доделать зимний аттракцион. Несмотря на то, что прабабушка сильно устала, уснуть она не могла. «Помочь залить горку», - как наваждение, звучало в ее голове. Тогда она не понимала, что кроется за этим. Но она осознавала, что пообещала дочери помочь и слово надо держать, а завтра может попросту не хватить времени. Прабабушка встала и ночью начала заливать горку. Утром горка была готова. Только с неё ни Таня, ни соседские дети так и не катались. Впрочем, ни с этой, ни с какой другой...

Дед умолк. Я ждала, когда он продолжит. Он вытер слёзы и продолжил рассказ:

- Проснулась Таня в то утро от лязга мотоциклов, грохота машин, выстрелов и фашистской речи. Немцы оккупировали Смоленскую область и добрались до Колошино. Они грабили дома, трудоспособное население заставляли грузиться в кузов машин для дальнейших истязаний в концлагере, стариков расстреливали. Женщины умоляли не увозить их, дети не отпускали матерей, плакали, цеплялись маленькими ручонками за подолы маминых юбок, но фашист был беспощаден. Детей заживо сжигали прямо посреди улицы. Таня попыталась расцарапать иней на замерзшем окне и посмотреть на улицу. Все, что она увидела, это горка, которую они с ребятами вчера построили. Вдруг к горке подошли фашисты и начали в упор стрелять. Тане было жалко горку, но то, что она увидела дальше, на всю жизнь ранит память... Ее мама, твоя прабабушка, совершенно раздетая, подбежала к горке и с диким смехом начала кататься. На коже ее ног, спине и ягодицах образовались глубокие кровоточащие раны, скат горки был алым. Немцы хохотали над ней, обстреливали горку, но она снова и снова вскарабкивалась на неё и скатывалась. Вдоволь нахохотавшись, фашисты пошли к соседскому дому. Душевнобольная и нетрудоспособная

женщина им оказалась ни к чему. На это и рассчитывала твоя прабабушка, когда решалась на этот отчаянный поступок, который стал спасением для нее и дочери.

Дед тяжело вздохнул и украдкой смахнул слезинку и продолжил:

- Прабабушка кое - как вернулась в дом. Она сильно простудилась, долго лечилась и заживляла раны. Но это не плен. Ее ребенок рядом, и они дома. В тот день прабабушка стала матерью еще для двух соседских ребятишек. За сопротивление фашистам их мама, Оксана Горохова, была истерзана и убита. Шестилетний Алеша и восьмилетняя тоже Таня к вечеру выбрались из подвала, куда их спрятала мама еще утром, и пошли по домам искать помощь. Первым и родным стал дом, где жила их подруга Таня, с которой они еще вчера строили горку... Духовщинский район находился в оккупации два года и два месяца – с 15 июля 1941 года по 20 сентября 1943 года. На территории Духовщинского района было создано два концлагеря для советских военнопленных – Духовщинский и Пречистенский, в которых замучены десятки тысяч человек. Всего в Смоленской области фашистами было создано 70 концлагерей, гетто, застенков и других мест заключения, в которых убито 275723 военнопленных бойцов и командиров Красной Армии. 81628 смолян было угнано в Германию... Если бы дети не построили горку, если бы Таня не попросила маму помочь залить её, если бы прабабушка той ночью все же смогла бы уснуть, если бы не отчаянный поступок матери...

Я почувствовал, как ком подступил к моему горлу, и защемило сердце. Я тоже не выдержал и начал плакать вместе с ним. Это ужас! Зачем людям война?

- Отцы ни Тани, ни Алеши с Таней с войны не вернулись. Военные и послевоенные годы твоя прабабушка так одна и поднимала этих ребятишек. Алеша стал военным летчиком. Он окончил Выборгское летное училище. Тани учились в Ленинграде и получили профессию врача. На выбор профессии повлиял ужас пережитых событий военных лет. Дети хотели быть полезны Родине и спасти жизни людей... Все вроде бы хорошо, но вот только горка так и не смогла вновь стать для них веселым аттракционом. Несмотря на то, что горка спасла им жизни, при ее виде рана Памяти вновь кровоточит... Впрочем, как и у меня, а теперь и у тебя...

Тагильский гуль

Лилия Игоревна стояла у доски уже двадцать минут и рассказывала что-то на немецком языке. Её голос был монотонным, успокаивающим. В маленьком классе было тихо, ученики слушали новую тему.

Учительница была очень молодой, и именно поэтому ей очень хотелось казаться старше своих лет. Её волосы были убраны в пучок, она носила строгий костюм тёмно-синего цвета и очки в широкой, чёрной оправе.

Ваня сидел за третьей партой и откровенно скучал. Он был отличником, и с первого раза понял спряжение глагола «haben». Теперь ему оставалось сидеть тихо, и мальчик осторожно, чтобы никто не заметил, достал телефон и положил перед собой. «Гуль – это мифическое чудовище, которое вселяется в человека и до поры до времени ничем не проявляет себя. В минуты злости такой человек превращается в ужасного монстра. Если помочь ему не удастся, то он навсегда остается гулем...» - прочитал он отрывок из электронной книги.

- Булочкин, к доске! Хватит там зевать, иди артикли пиши! – строго сказала учительница.

Мальчик знал, что на самом деле Лилия Игоревна не была такой уж строгой. Просто она совсем недавно начала работать, и ей казалось, что чем жестче на себя ведет, тем внимательнее её будут слушать дети. Сам он находил её вполне симпатичной. Если, конечно, сменить мрачноватый пиджак на какой-нибудь яркий и снять эти дурацкие очки в широкой оправе.

Ваня вышел к доске и аккуратным почерком написал задание. Как всегда без ошибок.

- Вот, ребята, берите пример с Ванечки. Он у нас молодец, учится хорошо, немецкий знает, в Германию по обмену поедет! – радостно сообщила Лилия Игоревна.

«Как же я жду этого момента, вы даже себе не представляете...» - подумал мальчик, а в слух сказал:

- Угу.

- Ты уже познакомился с семьёй, которая тебя встретит? – спросила учительница.

- Да, конечно! Они такие классные! – ответил Ваня и покраснел.

Он не просто «познакомился с семьёй». Ему очень понравилась дочь хозяев дома - девочка Грета. Они были одного возраста. Несмотря на разделяющие их расстояния, у ребят были похожие увлечения: они оба занимались музыкой. Грета играла на флейте, а Иван (так

она звала его, делая ударение на первый слог) – на аккордеоне. А ещё им нравилась одна и та же группа «Eisbrecher» и даже одинаковое аниме - «Банановая рыба».

Ваня учился в школе с углубленным изучением отдельных предметов, для него таким предметом был иностранный язык. Четвероклассников отправляли по обмену в немецкую семью всего на две недели. Несмотря на то что мальчик свободно говорил на чужом языке, отпускать его надолго в другую страну родители не решались. Кроме того, была уже четвертая четверть, и русских школьников ждали летние каникулы.

Ванина семья тоже должна была принять к себе Грету на пару недель. Взрослые договорились между собой, что детям интереснее вместе, поэтому сначала Иван «едет в гости» в Мюнхен, а потом Грета приезжает в Нижний Тагил.

Ваня любил свой город. Он мог часами рассказывать про Лисью гору, Драматический театр, такую любимую филармонию и набережную городского пруда.

Грета снимала короткое видео, путешествуя по Мюнхену, и мальчик был весь в нетерпении - хотелось поскорее увидеть всё это своими глазами.

Весеннее уральское солнце уже растопило снег, на деревьях начали появляться первые зелёные листочки. Ученики ждали каникул. Ваня вышел из школы и уже намеревался идти домой, как вдруг его кто-то окликнул.

- Эй ты, ботаник! Ну-ка, иди сюда, дело есть! – окликнули его.

Голос был знакомым. Это Мишка Залесов - хулиган из 4А. У них с Ваней была взаимная неприязнь.

- Чего надо тебе? Я домой спешу, – спокойно ответил Иван.

Мишка был не один, вместе с ним на заднем дворе школы собралось ещё пятеро из 4А. Задний фасад здания выходил во двор. Его давно не ремонтировали, из-под отвалившейся штукатурки местами проглядывали оранжевые дыры кирпичей. Школьные окна в этом месте были высоко, сколько не зови на помощь – никто не услышит. «Хорошего не будет», - подумал Ваня и нехотя пошёл в сторону компании.

- Думаешь, раз отличник – значит самый крутой? – язвительным тоном начал Мишка, - Сейчас вот телефончик-то у тебя отберём, посмотрим, как ты без него будешь.

- Только попробуйте! – Иван попытался, машинально шаря рукой в кармане – там были ключи. Мальчик сжал их в кулаке и приготовился обороняться.

В этот момент произошло такое, чего Ваня никак не ожидал. Ребята окружили его плотным кольцом, и вдруг внезапно их зрачки стали огненно – красными. Раздался странный щелкающий звук, и он увидел, как из-за спины у школьников вырастают огромные черные щупальца. У каждого по четыре пары. Щупальца были устрашающими: снаружи они были покрыты какой-то жидкой субстанцией; в том месте, где эта непонятная

жидкость стекала на землю, мгновенно появлялись черные, будто бы обуглившиеся следы. «Кислота», - успел сообразить Ваня. Всё-таки не зря он был отличником.

Мальчик присел на корточки, закрыл голову руками и крепко зажмурился. «Будь что будет!» - мгновенно пронеслось у него в голове.

- Мальчики! Мальчики! Что вы делаете! – раздался где-то вдалеке детский голос, - Я сейчас Татьяне Андреевне пожалею! – сказал кто-то тонюсеньким голоском.

«Девчонка, да ещё и малявка», - подумал Булочкин, не открывая глаза.

Татьяна Андреевна была самым строгим учителем в школе. Да что там в школе! Во всём Нижнем Тагиле, а возможно, и в целом мире. Именно поэтому связываться с ней никто не хотел, и хулиганы просто убежали.

Ваня не мог поверить, что чудом остался жив. Эти ужасные монстры были на самом деле или ему от страха просто померещилось? Он осторожно открыл глаза и медленно начал ощупывать себя. Голова – на месте, ноги – тоже вроде как целые. Всё хорошо.

- Мальчик, ты живой? – спросила маленькая девочка с огромными белыми бантами – обладательница того самого писклявого голосочка. Она была невысокого роста, светлые кудрявые волосы аккуратно убраны в два хвостика, каждый из которых был украшен бантом. Они были такие большие, что голова казалась крошечной, а бантики – гигантскими. За плечами у его спасительницы был рюкзак, который тоже казался невероятно большим.

«Первоклашка, точно первоклашка», – решил Ваня. Он хотел поблагодарить её, но внезапно вдруг закричал:

- Уди отсюда, малявка! А то сейчас и тебе не поздоровится!

Девочка заплакала и убежала.

Что это с ним? Словно какая-то неведомая темная сила завладела его телом и разумом. Иван совсем не хотел обижать малышку. И эти злые слова... Раньше такого себе он не позволял. Как будто это был вовсе и не Ваня Булочкин, а кто-то другой, безжалостный, жестокий, говорил его голосом. Мальчик встал на ноги. Немного кружилась голова.

- Наверно, эти чудища успели меня ударить, – пробормотал он, рассеяно глядя себе под ноги.

На сером асфальте школьного двора то тут, то там встречались чёрные, словно обгорелые, пятна.

«Значит, не показалось», - вздохнул Ваня и уже направился к дому, как вдруг заметил что-то яркое. Возле одного из пятен лежала маленькая игрушка. Он взял её в руки, чтобы рассмотреть поближе. Это был брелок, в виде маленького котёнка с выпученными стеклянными глазками.

- Девчонка потеряла, надо будет отдать, – сказал мальчик сам себе. Он сунул игрушку в карман и поспешил домой, потому что именно сегодня ему нужно было улетать в Мюнхен.

- Ты чего такой сердитый? – спросил отец, когда Ваня пришел домой.

Мальчик хотел рассказать папе, что случилось сегодня днем, но вместо этого у него получилось:

- Отстань, не твоё дело!

- Как знаешь, – тихо ответил отец. - Вещи собрал? Нам пора в аэропорт.

Ваня молча взял чемодан и вышел из дома.

Перелёт был долгим, но мальчик так устал, что проспал всю дорогу.

Новая семья встретила Ваню очень радушно. В жизни Грета оказалась ещё красивее. Её родители были очень добрыми и приветливыми. Они сразу же предложили гостю праздничный ужин. На столе были национальные немецкие блюда: жареное мясо, тушеная капуста, и штоллены - пряники.

«Сейчас наемся на целую неделю», – подумал Булочкин. Но еда казалась ему пресной, безвкусной и несъедобной, хотя и была очень привлекательной на вид. Юноша поблагодарил хозяев дома и поднялся в свою комнату. Грета пошла следом за ним.

- Что с тобой? – заботливо спросила она.

- Сам не знаю, – растерянно сказал Ваня. - Я сегодня с мальчишками чуть не подрался, а потом...

Он вдруг замолчал и опустил глаза:

- Ты мне всё равно не поверишь.

- А ты попробуй рассказать, может быть и поверю, – сказала Грета и взяла его за руку.

И в это мгновение тёмная сила опять захлестнула Ивана. Он оттолкнул девочку и закричал:

- Отпусти! Не трогай меня! Уходи прочь! – его глаза стали красного цвета.

- Ты гуль. Но я знаю, как помочь. Не бойся. Я тоже гуль ... Мы справимся с этой проблемой, – спокойно сказала Грета.

Откуда-то из-за спины мальчика показались четыре пары черных отвратительных щупалец.

- Мне всё ясно, - сказала девочка, аккуратно закрыла дверь и вышла из комнаты...

Ласковые лучи утреннего весеннего солнышка разбудили Ивана. Он потягивался в кровати.

- Отлично выспался! Какой замечательный день! - сказал вслух мальчик и улыбнулся. Из соседней комнаты доносились звуки флейты. Мелодия была ему хорошо знакома: Эннио Морриконе «Одинокий пастух». «Это, наверное, Грета играет», - подумал Ваня, и от этой мысли в животе стало тепло и приятно.

В дверь постучали.

- Войдите, – сказал Булочкин.

Это были родители девочки. Они принесли чудесный, ароматный, вкусно пахнущий кофе и штрудель.

- Доброе утро, Иван, тебе нужно позавтракать, – сказала фрау Ханна.

- С удовольствием! Большое спасибо! – мальчик с аппетитом жевал свежую выпечку.

В комнату к Ване вошла Грета.

- Привет! Как спалось? Завтрак вкусный? – приветливо спросила она.

- Ага! Даже очень! – весело ответил мальчик.

- Помнишь вчерашний вечер? – спросила девочка.

- Да. Извини. Я не хотел, так получилось, – погрузился вдруг Ваня.

Грета улыбнулась и сказала:

- Не бойся, я тебя не выдам. Мои родители – ученые-биологи, они давно изучают тех, в ком живет гуль. Им даже удалось найти средство, которое помогает в борьбе с этой странной мутацией. Они заметили, что чудовищем могут быть только подростки, и тот, в ком живет гуль, становится другим человеком.

- Каким? – шепотом спросил Иван.

- Ужасным. Злым, жестоким, бесчувственным, – ответила Грета.

- Это так, – со вздохом произнёс мальчик. - А как победить эту болезнь?

- А это и не болезнь. Ученым пока не удалось понять, что это. Поэтому и лекарство не получается найти.

- Но мне же помогло! Вчера я ругался на всех, есть не мог! – почти закричал Булочкин.

- Иван, ты не понимаешь. Это кофе и ... - девочка сделала выразительную паузу. - Музыка. Взрослые заметили, что когда я играю на флейте – гуль прячется. А ещё, чем дольше я это делаю, тем лучше эффект. Гуль появляется всё реже. Но, к сожалению, полностью избавиться от него пока не удастся. По поводу еды – помогает обыкновенный кофе. Если с утра выпить чашку этого напитка, то целый день сможешь есть всё, что пожелаешь. Идём со мной, я тебе всё покажу.

Он вошли в комнату Греты. На столе в черной коробке, обитой изнутри красным материалом, похожим на бархат, лежала флейта. Инструмент был черный, с блестящими серебряными кнопочками. Девочка взяла в руки флейту и начала играть. «Аж, мурашки по коже», - подумал Ваня.

- Я тоже хочу. А у тебя случайно нет аккордеона?

- Случайно есть, только это дедушкин, старинный, - сказала Грета, залезая по диван. - Вот смотри.

В большом деревянном чехле, обитом кожей, напоминающей кожу крокодила, лежал аккордеон. Он был заботливо завернут в какую-то тряпочку. Ваня осторожно развернул инструмент – он был действительно необычный. Темно – синий корпус из настоящего дерева обрамляла золотая решётка. Ледерин и клавиши тоже были позолоченными. Мягкие кожаные ремни, отделаны изнутри синим бархатом. «Vagcarole magister», - прочитал он название аккордеона. Мальчик аккуратно примерил его на себя. Руки сами заиграли знакомую мелодию, красивую и нежную.

- Как прекрасно! - воскликнула Грета и захлопала от радости в ладоши. - Как называется это произведение? Я его ни разу не слышала!

- Старый аккордеон, – ответил мальчик и улыбнулся.

Остаток отпуска дети провели вместе, путешествуя по городу и болтая обо всем на свете. Грета познакомила Ивана со своими друзьями и школьной учительницей.

Уезжать не хотелось, но пришло время расставаться. Девочка пообещала, что уже через пару недель обязательно приедет в Нижний Тагил. Ваня радостно согласился, потому что уже начал скучать.

Дома его с нетерпением ждали друзья и родственники. Мальчик целый день рассказывал, как замечательно он провел время в Германии. Заканчивалась последняя четверть, впереди ждали летние каникулы, и Ваня отправился в музыкальную школу – сдавать итоговые экзамены. Он немного волновался, хотя выучил все произведения наизусть ещё до отъезда. То, что произошло в школе, навсегда изменило его жизнь.

Был обычный весенний день, и ничего не предвещало беды. Ваня надел белоснежную концертную рубашку, а в начищенных до блеска туфлях он мог бы разглядеть своё отражение. «Всё просто отлично!» - сказал мальчик сам себе, открывая школьные двери.

- Добрый день, Ваня! Как твоё настроение? – заботливо спросила Ольга Викторовна. Она была школьным завучем и одновременно обучала Ивана игре на аккордеоне. Мальчику нравилась его учительница – добрая, веселая, заботливая, в меру строгая. А ещё она была невероятно красивой и умной.

- Спасибо, всё хорошо, – ответил Ваня и отправился на экзамен.

В просторном учебном классе собралось много учеников: здесь были и аккордеонисты, и пианисты, и даже отделение вокала. Ребята почти не шумели, потому что волновались. Всё-таки экзамен – это ответственное мероприятие. Пришла концертмейстер – Ольга Михайловна, в белоснежной блузе и клетчатых брюках. Она была пожилая, и напоминала Ивану его бабушку. Когда она улыбалась, на её лице появлялись забавные морщинки. Сейчас она была очень серьёзной.

Вдруг мальчик услышал странный щёлкающий звук – он показался ему подозрительно знакомым. В эту же минуту у его одноклассников стали огненно-красные глаза. Из-за спины у детей показались по четыре пары отвратительных черных щупалец.

- Ну вот. Опять это началось, – вздохнула Ольга Михайловна.

- Немедленно! Срочно! Токката! Фортиссимо! – в класс вошла директор школы – Ольга Николаевна. Все педагоги, присутствующие в этот момент, мгновенно взяли в руки музыкальные инструменты и начали играть. Получился небольшой импровизированный оркестр. Ольга Михайловна села за фортепиано. Спустя несколько мгновений щупальца отвалились. Одно из них упало на фортепиано и прожгло в нём огромную чёрную дыру.

- Эх, опять инструмент испортили, – посетовала концертмейстер.

- Ничего, отремонтируем. Главное, что никто не пострадал, – строго сказала директор. - А сейчас все ученики идут пить чай!

- А как же экзамен? – спросил Ваня, который до сих пор не мог поверить своим глазам.

- Сдадите через неделю, а то нам ещё фортепиано в порядок приводить, – ответила Ольга Михайловна.

На торжественной линейке, посвященной окончанию учебного года, собрались все ученики. Школьники были в парадной форме, учителя – в нарядной одежде. Булочкин внимательно смотрел туда, где завуч заботливо расставляла первоклашек. «Да они же все с бантиками! Ну, девчонки!» – подумал Ваня.

- Ага, вот она – моя спасительница, – пробормотал он себе под нос, пробираясь сквозь толпу малышей к светловолосой девочке.

- Вот держи, это твоё, – сказал мальчик, протягивая ученице плюшевого кота.

- Ой! Мой котик! Спасибо тебе огромное! Ты такой добрый! – сказала малышка и крепко обняла Ивана за талию.

Домой Ваня Булочкин шёл с гордо поднятой головой: за его спиной больше нет щупалец. Он больше не гуль, и снова можно быть милым отличником.

В государственном Кремлевском дворце шла церемония торжественного награждения лучших учителей. Президент страны лично вручал награду тем, кто заслужил её своим трудом. Он стоял на сцене посреди огромного зала, его окружали многочисленные охранники. Ольга Николаевна, в элегантном синем костюме и аккуратных бежевых туфлях на высоком каблуке, шла получать свою награду. Увидев её, президент почувствовал, как по спине пробежал холодок. Взрослый мужчина, руководитель страны, вдруг на мгновение снова почувствовал себя школьником. Как будто бы его вызывают в кабинет директора.

Он посмотрел на неё снизу вверх. В глазах директора школы не было угрозы, в них было только спокойствие и уверенность. Ольга Николаевна вежливо поблагодарила президента за оказанную ей честь представлять педагогов небольшой нижнетагильской школы. Глава государства поинтересовался, как удалось обычным учителям справиться с ужасной напастью? Как хрупкие женщины не испугались монстров? Каким образом они догадались, что токката Баха навсегда избавляет подростков от чудовищной мутации?

- Классическая музыка, – спокойно ответила Ольга Николаевна, -чудесное средство, особенно Бах. А подростки... Мы с ними каждый день работаем, если найти к ним подход, они замечательные, а вовсе никакие не монстры.

Долгих Тимур

«Надежда»

«Они приходят, смотрят, улыбаются, разговаривают, что-то кидают сквозь сетку вольера и идут дальше. Раньше, я радовался, старался понравиться, вилял хвостом, с удовольствием съедал лакомства, которые они приносили и ждал. Ждал, что сейчас откроется клетка, на меня наденут ошейник, новенький, с моим именем на подвеске, и мы вместе пойдем домой. «Домой», какое теплое и уютное слово! Я представляю, как открывается калитка, перед хозяйским домом большая лужайка, пахнет скошенной травой, на входе стоит мой новый дом – красивая деревянная конура. Я видел такую, когда гулял со стаей, таких же брошенных, как я собак. Мой хозяин, маленький мальчик, играет со мной, мы гуляем по парку, он любит меня, я его. Я никогда не дам его в обиду. Это мой Друг!

Но это раньше. Сейчас я не смотрю на них, мне не нравится еда, которую они приносят, я не хочу кому-то понравиться. Не хочу надеяться. Они всегда выбирают других или не выбирают никого!

Ну вот, снова что-то говорят... Мальчик, маленький мальчик, что-то протягивает мне в вольер. Не буду подходить, не хочу надеяться. Что-то щелкнуло? Они заходят ко мне?

Он хочет меня покормить? А это что? Ошейник? Ошейник! Новый! Мой! Домой?! Ты сказал: «Мы идём домой?!» Ты сказал: «Я твой друг?!»

Друг! Я никогда никому не дам тебя в обиду! Потому, что я твой друг!»

Уймина Дарина

Письмо «Живые друзья - книги»

Здравствуй, мой маленький друг! Сегодня я расскажу тебе о книге, которая глубоко поселилась в моём сердце и заставила его биться сильнее! Когда-то в детстве мама показала мне обложку, на которой был нарисован самолёт и интересный человечек с развевающимся шарфом. Это было так необычно и красиво, что я попросила бабушку связать мне такой же длинный шарф. С этого и началось моё знакомство с героями удивительно нежной и захватывающей книги. Наверняка, читатель мой, ты не раз восторгался разными историями, но это приключение...

Это был Антуан де Сент – Экзюпери - французский мастер слова, чародей воображения. Его книга называлась «Маленький принц». Как же я хотела быть похожей на принца, носила длинный шарф, разговаривала с розой! А знаешь, мой виртуальный ценитель книг, так я и полюбила цветы, заботилась о них. Разговаривала с животными. Мне это не мешало жить, хотя для окружающих могло казаться странным! Автор писал о вечном: равнодушных людях, бессердечных и жадных, о тех, кто не умеет любить и чувствовать боль, о черствости и эгоизме. Порой, мой товарищ по переписке, нам так не хватает самых обычных вещей: заботы, взаимопонимания, доброты. Вижу, как ты соглашаешься со мной, мой вдумчивый маленький читатель.

Это произведение заставило меня по-новому посмотреть вокруг. Я поняла, что наш мир мы создаём сами. Мы - творцы своей жизни! Да, да, не удивляйся, любознательный тихий собеседник, ведь чем богаче наш внутренний мир, тем красивее наши мысли и поступки.

Пришелец с другой планеты в образе маленького мальчика повстречался лётчику, оказавшемуся в пустыне после небесной катастрофы. Возможно, думаю я, этот мальчик был воображаемым. Лётчик был слаб и худ, в его доброй душе так восстанавливалось сознание: он видел путешествующего маленького друга, который заботился о капризной розе. У нас, мой невидимый читатель, всегда найдутся друзья, которые ранят нас больше других своими шипами-словами. Я очень осторожна теперь в выборе слова, ведь оно может больно ранить даже самых близких людей. Этого допускать нельзя! Герой произведения познаёт мир, как

и мы с тобой, мой терпеливый слушатель. Одна фраза стала моим «барометром». «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь», - сказал Лис.

Я учусь в пятом классе, встретила с новыми друзьями, не все они доверчивы так, как я. А взрослые тоже не всегда чисты душой. Мне кажется, маленький принц научил меня разбираться в людях, чувствовать их сердцем. Спасибо ему за это! Иногда приходится прощать тех, кто не понимает красоту мира, не может создать гармонии внутри себя, поэтому злится и становится просто грубым обитателем нашей планеты. Может ли такой человек принести пользу? Вижу, что ты тоже киваешь мне в ответ, дорогой читатель письма. Как это важно прочитать нужную книгу вовремя! Книги - наши друзья, советчики!

Французский писатель хотел рассказать нам о самом важном: чистоте души, доброте и открытости миру, который ждёт таких маленьких доверчивых читателей, как мы с тобой.

P. S.

Я замечая, что наша учительница тоже разговаривает с цветами. У нас в классе растёт огромная роза, она наливается бутонами, словно отдаёт нам частичку своей красоты. Рано утром, приходя в класс, я приветствую ее словами: «Здравствуй, моя хорошая!» Думаю, что растение слышит меня, поэтому и цветёт! Мы все в ответе за свою розу! Хочется, чтобы каждый, и ты, мой дорогой молчаливый дружок, помнил это.

Фомин Егор

Забавное новогоднее путешествие

Однажды под Новый год произошла эта удивительная история. Наша семья готовилась к празднованию замечательного зимнего праздника. Серебристые снежинки и яркие елочные шары украшали новогоднюю елку. Возле лесной красавицы, словно в сказке, расположились красивые и красочные коробочки с подарками. Комната была украшена разноцветными фонариками. Запах хвои и мандаринов витал в воздухе.

Расположившись на диване перед телевизором, я нажимал на пульте кнопки, переключая каналы. На «Дисней» показывали мультфильм «Путешествия Гулливера». На экране маленькие человечки пытались накормить великана, сюжет был забавный.

Точно! – подумал я, - хотел же заново перечитать эту книгу!

Предвкушая приятное времяпровождение, я отправился в свою комнату.

Книга мне нравилась, автор был интересен. Переворачиваю первую страницу и натываюсь на острый, умный и строгий взгляд Джонатана Свифта.

- Вот, интересно, - подумал я, - а если бы я решил написать свою историю, какой бы она была? Но об этом подумаю завтра, а сейчас меня ждут невероятные приключения.

Устроившись поудобнее на диване, я начинаю чтение любимой книги: «Наша семья владела небольшим поместьем в Ноттингемшире; я был третьим из пяти сыновей. Отец отправил меня, четырнадцатилетнего, в колледж Св. Эммануила в Кембридже, и на протяжении двух с половиной лет я усердно грыз гранит науки» ... Погружаясь в увлекательный сюжет Джонатана Свифта, сам не заметил, как задремал.

Проснулся я от сильной качки. Что происходит? Как будто меня подбрасывает на волнах, мне кажется, что я даже чувствую запах моря и слышу крик чаек? Неужели я настолько погрузился в чтение, что реально ощутил себя путешественником?

Вдруг где-то над головой услышал громкую команду: «Свистать всех наверх!» Мгновенно весь экипаж оказался на верхней палубе корабля. Что происходит? Слышу, как капитан корабля отдает четкие приказы, корабль наш колыхается, как мотылек на ветру.

Стоп! Я на корабле. Я нахожусь в каюте, которая обставлена со спартанской простотой. Вижу стол, на котором лежат книги, навигационные карты, догоревшая свеча расположилась на краю стола. Перевожу взгляд на стену – висит одежда, немного странная, как будто из другого времени! Стоит чемоданчик с какими-то лекарскими принадлежностями. Слышу стук в дверь.

- Док! Просыпайтесь! Мы попали в страшный шторм, одному матросу придавило куском мачты руку, нужна ваша помощь.

Это ко мне обращаются! Я – кто? Врач? Знаю ли я что-нибудь о медицине и врачевании? Задумываюсь.... Кажется, знаю. В голове кавардак, одеваясь в страшной спешке, пытаюсь вспомнить, как я читал, сидя на диване книгу «Путешествия Гулливера» и осознать, что, кажется **я – это ОН!**

Я в книге. Я – Гулливер что ли?! Вспоминая знакомый сюжет, понимаю, что этот шторм нам не пережить. Выбегаю из трюма, поднимаюсь на палубу и начинаю со знанием дела оказывать первую медицинскую помощь.

Стоял густой туман, сильный ветер не утихал, наш корабль швырнуло на скалы, и он мгновенно разбился в щепки. Шестерым членам экипажа, в том числе и мне удалось спустить шлюпку на воду. Сидя на веслах, мы отчаянно боролись с волнами, пока налетевший с севера шквалистый ветер не опрокинул нашу лодку.

Я хорошо умел плавать, вынырнув в беспокойной морской пучине, подгоняемый ветром и приливом, я начал отчаянно грести к берегу, который виднелся на горизонте. Как автомат, совершая, четкие броски, я боролся со стихией. Наконец, моих ног коснулась

земля, даже не задумываясь, что со мной произойдет, я рухнул от усталости на зеленую лужайку и провалился в глубокий сон.

Проснулся от того, что светило солнце, кто-то тихо переговаривался у меня под ухом, как будто звенели хрустальные колокольчики. В голове был страшный туман, и все тело было словно деревянное. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Вдруг я почувствовал, что по мне передвигается что-то живое, я замер от неожиданности, попытался приподнять голову, но волосы мои были туго притянуты к земле множеством тонких бечевки. Опустив глаза, я с трудом разглядел маленькое человеческое существо. Неужели такое возможно? – подумал я. - Лилипуты? Или я бы их назвал Мини-человечки, или Дюймовочки?

Обездвиженный, я беспомощно лежал на траве. Как же хорошо я теперь понимал Гулливера.

Вдруг один из малышей обратился ко мне. Конечно, в школе я изучал английский язык, в старших классах должен был осваивать еще и немецкий, но моих языковых познаний явно не хватало, чтобы понять смысл произносимых фраз. Маленький человечек стоял у меня на груди и грозно произносил речь, указывая на меня. Другие малыши соглашались с ним, и этот гул напоминал мне пчелиный рой. Вспоминая первую встречу Гулливера с Лилипутами, я приготовился терпеливо ждать ночи.

Дальнейшее развитие событий удивило даже меня, появилась еще одна малышка, действительно похожая на Дюймовочку. Отчаянно жестикулируя, она произносила какие-то непонятные для меня слова, указывая то на меня, то на важную персону. Из маленького карманчика она достала письмо, показала его императору и вновь посмотрела на меня. Откуда в книге появилось письмо? Что в нем? Почему так волнуется эта маленькая леди? Я ничего не понимал.

Знатный господин покорно кивнул головой и указал взглядом в мою сторону. В тот же миг веревки, сковывающие меня, были перерезаны, и я с удовольствием потянулся всем телом. Руки мои отстаивались связаны. Я мог бы без труда разорвать эти крошечные путы, но не стал своими действиями еще больше пугать крошечных жителей.

Громким урчанием мой желудок известил о том, что давно не принимал пищу.

- Гурго дегиль сан Лангро! - скомандовала важная персона.

В эту же минуту к моим бокам были приставлены деревянные лестницы, которые напоминали соединенные между собой зубочистки. Ко мне на грудь начали взбираться маленькие человечки с корзинами, полными разнообразной еды. Их передвижение по моему телу вызвало у меня приступ щекотки, и я невольно хохотнул. От громкого звука

человечки бросили свои поклажи и испуганно разбежались в разные стороны. Часть из них спряталась в кармане моей куртки, а часть молниеносно спускалась обратно на землю.

- Успокойтесь! Я не причиню вам вреда! – дружелюбно произнес я.

Видимо, незнакомая речь и доброжелательный тембр моего голоса успокоили человечков, и они вновь начали пробираться ко мне.

Признаюсь, есть я хотел страшно! Находясь у себя дома, я мог с аппетитом приговорить большую порцию еды, да еще и добавки попросить. Но как же смогут прокормить меня эти маленькие создания?

Лилипуты бодро отправились к моему рту. Как по волшебству стали появляться маленькие буханки хлеба, мясные блюда, бочки с какой-то фруктовой жидкостью, все это с большим трудом поднималось на веревочных тросах, а потом на маленьких тележках доставлялось прямо ко мне в рот. Здесь были и туши каких-то животных, наверно быков, и корзинки с какими-то экзотическими фруктами, которые были размером не больше горошины, и даже суп, который лилипуты налили в огромный по их размерам чан.

Подкрепившись, настроение мое значительно улучшилось. Я осмотрелся: повсюду все еще сновали маленькие человечки, царская персона восседал на лихом жеребце, а маленькая бунтарка, которая так внезапно появилась, сидела на ветке дерева и болтала ножками.

- Как настроение? – спросила она на моем родном языке.

- Ты говоришь на моем языке! – удивился я.

- Я знаю много языков, - торжественно заявила Дюймовочка.

Вдруг знатная персона обратил свой взор на малышку и что-то грозно сказал ей.

- Гекина дегуль! – со вздохом ответила ему она.

- Мне сказали не общаться с тобой до выяснения всех обстоятельств. Но они без меня точно не справятся, ведь только я одна знаю твой язык. Кстати, этот напыщенный господин – мой отец.

Спрыгнув с ветки дерева, малышка побежала в сторону замка, который виднелся на опушке леса.

- Постой! - закричал я, - мне нужно с тобой поговорить. Почему ты спасла меня, кто все эти люди и как вообще называется это место?

Договорить мне не удалось, так как я почувствовал, что в мои ноги и руки впиваются сотни острых, словно швейные иголки, стрел. Оказывается, увидев мою оживленность, лилипуты ту же приняли оборонительные позиции, и шквал стрел посыпался на меня. Хорошо, что на мне была надета кожная куртка, и эти уколы доставляли скорее дискомфорт, чем причиняли настоящую боль.

Решив, что лучше не сопротивляться и спокойно дожидаться наступления темноты, я вытянулся на траве.

Через несколько часов в сопровождении свиты и стражников вновь появилась маленькая леди.

- Меня зовут Ариэль, - громко сказала малышка. - Ты находишься в стране Лилипутии. Сегодня тебя доставят в столицу нашего государства, и ты будешь держать ответ перед правителем и другими знатными лицами.

Вспоминая страницы книги, я задавался вопросом: Доставят? Как? На повозке что ли? Если бы я смог передвигаться самостоятельно, то думаю, преодолел бы границы этого государства за несколько шагов. А так задача по моей транспортировке была очень интересной.

Девятьсот отборных силачей трудились, чтобы переместить мое тело на нужную платформу. За этим процессом было очень забавно наблюдать. Представил себе муравейник, в нем также трудятся маленькие жители и таскают на себе неподъемные грузы. Наконец, меня уложили, крепко привязали, и полтысячи самых рослых лошадей, какие только нашлись в королевских конюшнях, повезли меня в столицу.

Наша процессия находилась в пути уже несколько часов, я с интересом разглядывал местность, по которой мы передвигались. Крошечные поля, засеянные пшеницей, ячменем и кукурузой, медленно проплывали мимо нас. Маленькие домики, огородики, заборчики окружали эту милую территорию. Миниатюрные собачки, выглядывая из подворотни, сопровождали нашу процессию лаем. Мини-деревья, маленькие елочки и сосеночки, похожие скорее на игрушечные, насаждали эти земли.

Через сутки мы приблизились к месту назначения. Перед нами возвышался город, он больше походил на пеструю мозаику или разноцветные пазлы. Миниатюрный во всем, он напомнил мне кукольный домик моей младшей сестры. Пока я любовался этой необычной картиной, король уже спустился с башни и верхом на лошади направился в мою сторону.

Приблизившись, его величество начал задавать вопросы, на которые я пытался отвечать, но, увы, из нашего диалога ничего не вышло – мы совершенно не понимали друг друга. Вздохнув, король приказал одному из чиновников позвать кого-то.

Вскоре появилась малышка Ариэль. Ухмыльнувшись, она сказала:

- Я же говорила, что без меня не справятся.

- Теперь отвечай кто ты и откуда?

Я же не мог сказать: «Привет! Меня зовут Егор Фомин! Я живу в Свердловской области, в городе Алапаевске. Я ученик школы № 2». Итак, в лице этих маленьких жителей

я выглядел как человек, свалившийся с небес на землю. Поэтому, вспоминая содержание любимой книги, я сказал:

- Меня зовут Гулливер. Я родом из Ноттингемшира. Я был хирургом на торговом судне, в течение шести лет совершил несколько путешествий в Ост- и Вест-Индию. Во время последнего путешествия наш корабль попал в страшный шторм, выбраться на берег удалось только мне.

- Я – хороший человек! Я – врач. Я не причиняю людям зло, мое дело - лечить людей, помогать им. На этой высокой ноте я закончил свою трогательную речь.

Ариэль переводила отцу мой рассказ. Сначала он задумчиво рассматривал меня, а потом сказал:

- Эмпозо кельмин пессо деemarлон люмоз!

- Расслабься, - сказала малышка, - будешь жить!

- Тебя будут кормить, тебе сошьют новую одежду, но взамен ты будешь трудиться на благо нашего королевства и выполнять все требования нашего правителя.

- Откуда ты знаешь мой язык? – спросил я.

- Как-то после небольшого шторма на берег выбросило очень интересную книгу, она была размером с дом! Этот был словарь. Мой учитель помог мне в нем разобраться, а учить твой язык было очень интересно.

- А что было в том письме, которое ты показывала императору в тот день, когда я впервые здесь появился?

- О! Это очень интересная история! Расскажу как-нибудь, если заслужишь мое доверие. Ариэль запрыгнула на свою лошадь и поскакала в сторону дворцовых ворот.

- Как и обещала мне моя спасительница, меня накормили, сняли мерки с моей одежды и даже освободили руки!

Я с удовольствием потянулся, расправил плечи и встал во весь рост. Вся Лилипутия лежала передо мной как на ладони. Как будто с высоты птичьего полета наблюдаешь за происходящим на земле.

Вспоминая откровения Гулливера из книги, мне самому захотелось поближе познакомиться с лилипутами, узнать их обычаи и порядки. Осмотр Мильдендо - столицы страны принёс мне много радости, только ходить приходилось очень осторожно, не разрушив что-нибудь на своем пути.

Едва весть обо мне разнеслась по королевству, как отовсюду в столицу начали стекаться любопытные. Меня веселило такое внимание.

Спустя три недели я уже начал делать успехи в освоении лилипутского языка. Произнося непонятные слова, мой голос эхом разносился по всей территории Лилипутии.

Король часто навещал меня во время занятий, он вслушивался в мой голос и одобрительно кивал головой.

Ариэль тоже часто приходила ко мне, она помогла мне в усвоении новых слов, а также рассказывала интересные истории из своей придворной жизни.

Общительная и милая по своей натуре, она часто высказывала недовольство законам и порядкам, установившимся в стране:

- Как будто, - говорила она, - от того, что я надену туфли на высоком каблуке или на низком каблуке изменится моя сущность. Как будто у меня из-за этого рога вырастут!

- Или, - возмущалась она, - если я разобью скорлупу у яйца исключительно не с острого конца, у него что вкус изменится?!

Я лишь улыбался на возмущение маленькой бунтарки. Действительно, многие законы этой страны мне были не понятны. Тем более вызывало удивление, что не согласованность по этим вопросам была причиной многолетней войны, которая велась между королевством Лилипутией и империей Блефуску.

Набравшись смелости, я спросил:

- А что, все-таки, за письмо ты показывала своему отцу?

- Ах, это, - задумчиво произнесла она, - понимаешь, Лилипутия и Блефуску раньше были очень дружны. Однако, ряд указов, которые издал еще мой дедушка, вызвали возмущение среди населения, началась смута, которая переросла в настоящую революцию. Правители Блефуску упорно поддерживали и поощряли народные волнения, это вызвало большой раздор между государствами.

Но в Блефуску осталось много моих друзей и родственников, от них я иногда получаю письма. Именно в последнем письме сообщалось, что военной разведкой Блефуску был обнаружен приближающийся к Лилипутии Человек-гора, но так как ты в течение длительного времени не подавал никаких признаков жизни, было принято решение дождаться дальнейших действий нашего императора. Зная особенность моего отца относиться враждебно и с опаской ко всему новому и неизвестному, я поспешила на берег.

К тому же, в пятьдесят четвертой главе духовной «Книги Алкорана» сказано, что однажды появится из воды великан, и он остановит долгую войну между нашими народами. Я верю в пророчество и думаю, что ты послан нам небом.

Вспоминая сюжет любимой книги, я задумался. Я знал, что в ближайшем будущем должны были состояться военные действия. Разведка доложила, что флот противника стоит наготове в одной из гаваней в проливе в ожидании попутного ветра. Исход морского боя был мне хорошо известен: получив одобрение императора Лилипутии, я должен был обезвредить все неприятельские корабли. Из книги я знал глубину пролива, а также время

прилива. Отправившись на северо-восточное побережье, я укрылся за песчаным пригорком и, глядя в свою подзорную трубу, наблюдал за действиями пятидесяти военных кораблей блефускуанцев.

Захватить флот противника не составило бы для меня большого труда. Из записок Гулливера я знал, что великан, подрезав якорные канаты, удерживающие корабли неприятеля, соединил все тросы в один узел и перетащил полсотни военных кораблей в главный порт Лилипутии.

Меня тревожило дальнейшее развитие событий. Учитывая честолюбие императора Лилипутии, я был уверен, что он не остановится до полного уничтожения противников, и маленьких человечкам из соседнего Блефуску не поздоровится. Я не хотел такого исхода войны для обоих государств. Картина побежденной маленькой империи и усилившей свою власть Лилипутии четко стояла в моей голове. Понимая, что своим непослушанием и отказом от помощи попаду в немилость к императору, я решил действовать хитростью.

Общаясь с Ариэль, мне было известно, что многие маленькие жители устали от войны, они хотели спокойно жить, общаться с соседями, дружить с ними. Это натолкнуло меня на очень интересную мысль. Для реализации своего плана, я решил пообщаться с маленькой леди.

- Ариэль, спросил я, - а как вы в своем государстве проводите свободное время и развлекаетесь?

- Обычно, в замке устраивают балы, мы посещаем театр и оперу.

- А что делают обычные жители вашего государства?

- Я знаю, что после тяжелой работы в поле или мастерской они собираются вечерами вместе и поют песни. Знаешь, у них очень мелодичные голоса. Иногда жители устраивают ярмарки, показывают различные акробатические и цирковые шоу. У нас много одаренных людей.

- Даже мой отец иногда с удовольствием поет в своих апартаментах баллады. У него красивый голос.

- Ариэль, сказал я, - в тех местах, откуда я родом, мы отмечаем веселый семейный праздник – Новый год. Вместе собираются друзья, знакомые, близкие родственники. Мы украшаем новогоднее дерево – елку, дарим друг другу подарки, готовим праздничный ужин, поем веселые песни. Я думаю, что можно провести в Лилипутии «Конкурс талантов», приуроченный к этому празднику, а поучаствовать в нем смогут все желающие, даже из соседних государств?

- Поверь, будет весело! – уверенно сказал я.

- Идея очень хорошая, я должна поговорить с моим отцом и другими знатными лицами, чтобы они вынесли это предложение на голосование.

Проведение «Новогоднего конкурса талантов» вызвало у многих вельмож возмущение, они говорили, что это пустая трата времени и нужно сосредоточиться на военных действиях, а не развлекаться. Но император Лилипутии удивил меня, высказав мысль, что проведение Конкурса может быть интересным.

Воодушевленные поддержкой правителя, мы с Ариэль усиленно начали готовиться к грандиозному событию. За неимением на острове елки, мы с большим энтузиазмом начали украшение пальмы. Получилось очень весело и забавно. Местные жители посматривали сначала на нас с удивлением и осторожностью, а потом сами включились в процесс подготовки к главному празднику страны. На улицах слышался веселый смех, веселая музыка лилась из окон домов, а маленькие ателье острова уже перевыполнили план по пошиву нарядной одежды для бала и даже новогодних костюмов. На улицах уже можно было наблюдать забавных маленьких зайчиков и лисичек, а также отважных рыцарей и прекрасных принцесс. Были разосланы приглашения во все концы страны и даже близ лежащие государства. В свободное от работы время жители Лилипутии разучивали новые песни, повторяли танцевальные Па, готовили интересные номера.

Казалось, подготовка к конкурсу на время оттеснила все мысли о войне. На большом поле была сооружена красивая сцена, украшенная гирляндами и цветами, вокруг были установлены сотни зрительских мест.

Долгожданный день настал, все жители собрались посмотреть грандиозное представление. Появились и жители Блефуску. На этот день было решено заключить временное перемирие.

Яркие номера сменяли друг друга. Необычные фокусы и веселые танцы, цирковые номера и выступления с дрессированными животными, и главное очень много музыки и песен: красивые баллады и зажигательные веселые композиции. Настала очередь императора Лилипутии представить свой номер. Каково же было наше удивление, когда к нему на сцену поднялся король Блефуску. Оба правителя спели дуэтом очень красивую старинную песню, которая напомнила всем жителям об их общей истории, общих корнях. Закончилось выступление под бурю аплодисментов, слова песни растрогали до слез, а красивые голоса затронули струны воспоминаний о том, как же хорошо и дружно жили когда-то соседи.

Это грандиозное мероприятие настолько всем понравилось, что был издан новый указ, который гласил, что подобные празднества будут проводиться каждый новый год, который стал официальным праздником королевства.

Закончилось праздничное представление, жители обоих государств дарили друг другу новогодние подарки, обменивались приветствиями и поздравлениями, много смеялись. Очень понравилась маленькой детворе вождение хоровода вокруг пальмы-елки. А гвоздем новогодней программы стало мое появление в костюме Деда Мороза. Я поздравлял ребятшек с новым годом, дарил новогодние подарки, слушал стихи и даже разрешил прокатиться со своей новогодней мантии вместо горки. Сколько радости и счастья я увидел за сегодняшний вечер!

Я был очень рад, что благодаря красоте и искусству были забыты старые обиды, закопан топор войны. Эти маленькие человечки заслуживали счастья.

Прошло несколько дней, мирные отношения между соседями крепили, на улицах чаще слышался веселый смех, все чаще в порту мы видели корабли и лодки блефускуанцев, наносящих визиты своим друзьям и родственникам.

Прогуливаясь по северо-восточному берегу острова Лилипутии на расстоянии полумили, я неожиданно заметил в море предмет, похожий на опрокинутую лодку. Сняв башмаки и чулки и преодолев вброд около двухсот ярдов, я увидел, что прилив несет ее в мою сторону. Мне показалось, что это настоящая большая шлюпка – очевидно, сорванная бурей с какого-нибудь корабля. У меня появилась маленькая надежда – попасть домой и увидеть своих родных.

Подплыв к корме, я начал подталкивать лодку к берегу. Когда разбитое суденышко оказалось на песчаном берегу, начались работы по его восстановлению. Местные жители оказывали мне всяческую помощь в починке шлюпки и подготовке к отплытию. Пятьсот умелых мастеров под моим руководством мастерили паруса, конопатили мое судно. Я занимался изготовлением снастей и мачт, из стволов крепких деревьев с помощью ножа выстрогал весла. Работа требовала от моих маленьких помощников много усилий, сноровки и мастерства.

Наконец, долгожданный день настал: мое небольшое судно ждало отплытия в главном порту Лилипутии. Проводить меня собрались жители обоих государств. Я был рад тому, что история Гулливера заканчивалась хорошо, и в стране установился долгожданный мир.

Погрузив в шлюпку большое количество съедобных припасов, я поблагодарил всех жителей за такое необычайное приключение, участником которого я стал. Некоторые жители Блефуску изъявили желание отправиться со мной в дальние страны, и лишь уговоры и веские доводы императора отговорили их от этой затеи.

Я поднял паруса и ясным теплым утром отправился в долгожданное плавание. Мое маленькое суденышко покачивалось на волнах, теплое солнце согревало меня, убаюкивало, сам не заметил, как задремал.

Проснулся в своей комнате. Укрытый пледом, я мирно спал на диване. За окном уже стемнело, любимая книга лежала на подушке. С открытой страницы романа на меня смотрел веселый и улыбающийся Джонатан Свифт. Как же интересно иногда складываются события, - подумал я, - казалось бы, знакомая с детства история о приключениях Гулливера, увлекательный сюжет и знакомый финал. Но иногда одно судьбоносное решение или событие может повлиять на дальнейшую жизнь людей и историю целого государства. Такой сюжет мне нравился больше. Я был рад, что стал участником этого захватывающего приключения. Вдохновившись столь необычным путешествием, я решил написать свою историю...

Иванова Софья

Необычно-обычный школьный день

Однажды я пошёл в школу, не задумываясь ни о чём плохом. В голове звенели песни о выходном. Ведь сегодня была пятница - самый лучший день для школьников! Я пришёл в школу, переоделся в раздевалке и поднялся в класс. Там стоял балаган, все кричали, Сергея Юрьевича ещё не было. Я спокойно сел за свою родную парту, вложил туда учебники и достал английский язык. На доске не было расписания, но я точно помнил, что первым должен был быть английский. Все ребята приготовились к математике.

Внезапно в класс вошёл Сергей Юрьевич и занял своё место, объявив, что первым уроком у нас будет литературное чтение. Я сразу поменял учебники, ребята тоже. У нас было задано - пересказать «Красную Шапочку». Я знал, что в пятницу меня всегда где-нибудь, да вызовут. И Сергей Юрьевич громко сказал:

- Шишов, перескажи-ка нам «Красную Шапочку»!

Я молча вышел к доске и начал так:

- Автор Шарль Перро, сказка «Красная Шапочка». Жили на свете бабушка, девочка, волк и мама девочки. Мама назвала девочку Красная Шапочка и отправила к бабушке...

Тут Сергей Юрьевич меня прервал и спросил:

- Стой, Шишов, а почему девочку сразу назвали Красная Шапочка? И что же мама положила девочке в сумочку, до того как она пошла к бабушке?

Я ответил:

- Ну, наверное, маме захотелось так назвать девочку! Имя необычное! А к бабушке Шапочка понесла сироп и таблетки от горла.

Сергей Юрьевич и ребята рассмеялись, и учитель сказал:

- Шишов, ты сейчас поработаешь шутком гороховым, заработаешь двойку. Рассказывай сначала. Или не читал?

И я начал сначала:

- Жила-была девочка, у неё была мама. Она на день рождения подарила ей красную шапочку. Девочке она понравилась, и она стала носить её постоянно. Так её и называли Красная Шапочка.

Я забыл, что было дальше, стоял и думал, думал и стоял. Через несколько секунд Шура Семёнов с самого конца мне прошептал:

- Мама положила ей в сумку...

Сергей Юрьевич немедленно прервал Шуру и поставил ему двойку. Шура обиделся почему-то на меня и на учителя. Он отвернулся к стенке. А я сказал всё, что успел услышать из уст Шурки.

Учитель стал серьезным и продолжил:

- Шишов, у тебя голова на плечах для чего?

Я не знал, что ответить и промолчал.

Он снова:

- Шишов, голова для чего?

И я:

- Ой, Сергей Юрьевич! Да как же, вы разве не знаете для чего? Да очень много даже для чего! Чтобы видеть, слышать и волосы растить.

А учитель:

- А для чего ещё?

- Точно, забыл, чтобы шапочки носить! – добавил я.

Все ребята рассмеялись до слёз, даже обидчивый Шура. Но Сергей Юрьевич снова спросил:

- Шишов, это последняя попытка! Для чего голова?

- Так: шапочки, слух, видеть, волосы. Точно, девочкам ещё для того, чтобы уши были и серёжки крепить! – пробормотал я.

Все девочки покраснели. Сергей Юрьевич рассердился, а мальчишки рассмеялись до икоты. Я тоже покраснел и сел за парту. Со мной сидела Лера Казначеева. Она спросила:

- Ты что дурак?! Голова для того, чтобы думать и запоминать! Двоечник!

Сергей Юрьевич поставил Лере пятёрку, а мне самую что не наешь жирнющую двойку. Со словами:

- Шишов, я ещё с начала урока знал, что ты не читал сказку, поэтому двоечку ты вполне заслужил. А ещё за самый простой в мире вопрос, на который оказывается, не каждый может ответить верно! С помощью чего ты ходишь в школу?

- Конечно же - глаз! - пробормотал я.

Сергей Юрьевич стукнул себя по лбу и добавил мне ещё одну жирную двойку. А я сказал:

- Я могу ответить верно, задайте любой вопрос! Если не отвечу, будет в моём дневнике жить ещё одна лебедушка!

Сергей Юрьевич принял мои слова и спросил:

- Где сгибаются руки?

- В костях! – быстро ответил я.

Я сильно рассмешил Сергея Юрьевича, но как я сказал, в моём дневнике поселилась третья жирная, красная лебедушка!

А ты, способен ответить на вопрос «Зачем нужна голова?»

Чупина Ксения

Живи, сестренка!

04.05.21

Привет, дневник. Короче, день сегодня выдался просто ужасный! Моя сестра обнаглела в край. Прихожу я сегодня домой, в отличном настроении (мы с Колей и его батей собирали новый автомобиль из Лего), а на меня с порога налетает мама и начинает ругать. Я понятия не имел, за что, почему. А Ксюха стоит за дверью, смотрит на меня ехидно так, посмеиваясь. Аж тошно стало. В общем, меня обвинили, блин, в воровстве. Якобы я стащил из кошелька сотку у папы. Клянусь тебе, только ты мне и поверишь, не брал я ничего. И вот уверен, что сделала это Ксюша. Не знаю почему, просто знаю, что она. А родители меня не послушали и оставили без карманных денег на целый месяц. Ещё и к Кольке запретили ходить. Обидно очень. Эх, ладно, я математику пошел учить, а то завтра контрольная.

18.11.21

Приветик. У меня сегодня был суперкрутой день. Утром, на русском языке мне поставили пятерку, потому что диктант был очень лёгким, а учительница добрая. Позже я получил ещё пятаки по математике и по литературе. А потом после школы, когда я пережидал перерыв в ларьке с вкусными булочками, ко мне подошли ребята из старших классов: Женя, Валера и ещё два. А они такие, знаешь, хулиганы. Их весь двор боится. Даже Колька со своим батей к ним не сунется - страшно. И вот, подошли они ко мне, окружили и Женька спросил про Олеську. А ты же помнишь, я ее в субботу после школы проводил. У нее рюкзак тяжелый был, а мне скучно. Вот и проводил. Взял меня, короче, Валера (кличка у него Банан) за ухо и потянул вверх. Я, конечно, держался, терпел, не трепыхался. И, представляешь, из-за угла дома с ларьком вышла Ксюша. В руках у нее то ли книги были, то ли журналы какие-то. Она меня увидела, из рук все у нее попадало прямо на землю, и за волосы резко она потянула шпалу Банана. Ух, и зрелище было... В итоге, Ксюха ведь спасла меня, парни больше не полезут. Но и от директора мы получили тоже. Однако я такой сейчас радостный, ты не представляешь! Даже песню по музыке выучить захотелось. Вот и пойду учить, спокойной ночи!

26.04.22

Привет. Мне сегодня в голову пришел такой странный вопрос: "Что от меня вечно скрывают?" Уже который день я захожу в комнату к родителям, а они пытаются всеми силами меня оттуда выставить. И никто не хочет мне объяснить, что с Ксюшей и где она. Ее нет дома уже больше трёх дней. А вообще, времени особо у меня нет, надо идти к Коле, у него папа из Германии привез машину новую. Колян говорит классная. Приду и проверю.

8.05.22

Привет. Ксюша уже вторую неделю лежит в больнице. Мы сегодня ездили к ней. Будто вечность мы ходили по этим белым нескончаемым коридорам, постоянно заворачивали куда-то, спускались, поднимались. Папа держал маму за руку. Мама тихо плакала. Потом мы увидели Ксюшу через стеклянную стену. Она лежала с закрытыми глазами, спала, наверное. Врачи что-то сказали моим родителям, после чего мама снова забилась в слезах, а папа, который ее поддерживал, попрощался с мужчиной, и мы сели в машину. В школу я не пошел. Я думаю, что не скоро ещё куда-то пойду. Надо сначала во всем разобраться.

15.05.22

Не знаю, о чем писать. Ксюша с каждым днем все хуже и хуже. Не ест почти ничего. Кожа да кости. Голубая вся, а кожа прозрачная. Я боюсь.

16.05. 22

Сегодня я впервые лазил в вещах родителей без спросу. И это было не зря. У Ксюши смертельная болезнь. Я не успел название переписать сюда, мама отобрала листок с Ксюшиными анализами, а папа ещё и накричал вдобавок. Они вообще в последнее время злые какие-то, грустные. Теперь я понимаю, что к чему. Я не могу осознать. В смысле она может умереть. Ну или она умрет скоро. Когда я читал ту бумажку, у меня глаза разбегались – много, много, много новой информации. Я не знаю, что мне теперь делать. Я не смогу без нее. А мама с папой? Как они теперь, а? Сегодня я впервые плакал так же, как плакала тогда мама в больнице. Остаётся надеяться только на лучшее.

23.05.22

Привет. У меня есть новость. Завтра меня повезут обследовать. Дело в том, что Ксюше нужно сделать пересадку костного мозга. Я, если честно, мало что понял, но одну вещь я запомнил слово в слово: у меня, возможно, совпадают с Ксюшей какие-то антитела. А если это так, то я смогу быть донором. Ты не представляешь, как я надеюсь, что у нас они похожие. Нет, не похожие, а прям одинаковые-одинаковые, как капли воды. Я больше не хочу видеть Ксюшу в больничной койке. Я хочу, чтобы она со мной сидела, болтала и ела арбуз. И я могу пойти на все, что скажут, ради этого!

25.05. 22

Хорошая новость, наши антитела совпали, представляешь? Совпали! Мама и папа сегодня были самыми счастливыми. Они целый день просидели в больнице на этих твердых кушетках и улыбались. И я с ними. Но, правда, Ксюшу до сих пор ещё не видел, кроме как за стеклянной стеной. Вечером мне мама сказала, что завтра будет операция, поэтому много кушать нельзя. Моей сестре пересадят костный мозг, и она должна выздороветь! Правда, если честно, я немного боюсь. Ведь, если пересадят мой мозг Ксюше, то, как я жить-то буду? Или всё-таки не буду? Да ну, наверное, нет. Папа и мама бы не допустили

такого. А может быть, и допустили бы... В общем-то без разницы, если сестре нужно отдать свою жизнь – я отдам! И мама с папой плакать перестанут, и Ксюша выздоровеет. Очень хорошо! Но сложно, и страшно, но совсем чуть-чуть.

26.05.22

Уже утро. Я пока в комнате. Сейчас поедem на операцию. Времени нет. Походу я прощаюсь навсегда. Если я умру без своего мозга, то мама, папа, Ксюша, знайте, что я вас всех очень-очень люблю и прошу прощения за все, что я когда-то сделал нехорошее или чем-то вас обидел.

4.06. 22

Привет, как же я соскучился А я уж думал, что больше ничего тебе не расскажу. Да и никому не расскажу. Какой же я глупый был. У меня, оказывается, брали не мозг. Точнее мозг, но костный. В общем, со мной все хорошо. Я провел всю эту неделю с сестрой. Мы так классно проводили время. Вместе ходили на уколы по утрам, делали зарядку, а потом друг друга щекотали на капельнице. А ещё врач нам как-то сказал, что у нас один мозг на двоих, даже если костный. Мне кажется, что это лучшее, что я слышал за последнее время. И я даже представить не могу, что бы было, если бы я не смог быть донором. Где бы сейчас была бы моя Ксюша? Надеюсь, что дальше все будет хорошо. Живи, сестренка!

Миронова София

Я вернусь...

*В стекло уткнув свой черный нос,
все ждет и ждет кого-то нес.*

Евгений Евтушенко

Джек спал. Глаза совсем не хотели открываться, сон затягивал его в свои ватные объятия. Но ему срочно нужно было проснуться, ведь Алексей должен прийти, нужно встретить хозяина, обнюхать штанину, обязательно помахать хвостом, показать, что дом цел и невредим. Джек открыл глаза, посмотрел, Алексея не было....

Глаза снова закрылись, вокруг засияло солнце. Он лежал в большой коробке вместе с двумя братьями, такими же, как он сам, ушастыми толстыми щенками. Их мать Альфа ласково облизывала их, снова и снова, каждого по очереди. В комнату, залитую солнечным светом, казалось, наполненную счастьем и радостью, вошел человек. Он был высок, широкоплеч, слегка небрит, одет в форму. Хозяин Альфы зашел вместе с ним.

- Видишь, отличный помет, щенков только трое, но все будут сильные, прямо волки. Мать знатная, да и отец – чемпион породы. Алексей, ты такую овчарку сейчас не найдешь, - сказал хозяин Альфы.

Вдруг неожиданно раздались крики, выстрелы, шум.

- Джек, фас! Взять, Джек! Взять!

На него бежит огромный черный человек, иногда он поворачивается назад и стреляет в полицейских, бегущих за ним. Один полицейский падает, взмахивает руками, кажется смешным движением. Но почему-то совсем не весело, не хочется бежать и играть. Соленый запах крови ударил в мокрый нос. Это же Петя, он работает с Алексеем. Джек рванулся вперед, вытянулся в струну, прыгнул и уже не расцеплял челюстей. Он не отпускал, он знал, что перед ним плохой человек, он чувствовал это каждой клеткой своего тела, от своих огромных ушей до мохнатого кончика хвоста. Только не отпустить, только не подвести Алексея, ведь без него хозяин не справится.

А потом они стояли на огромной площади и вместе с Алексеем их вызвали перед строем отрядов. С какой гордостью Джек вышагивал рядом. Это мой хозяин, смотрите все, смотрите, он – герой! Алексею вручили медаль, а Джек вечером получил огромную кость, аппетитную, сочную, всю такую радостную!

- Джек, успеешь ты догрызть свою кость. Пойдем гулять, Джек. Сейчас я переоденусь и пойдем гулять. Подожди, я сейчас вернусь...

Джек открыл глаза. Тихо тикали часы, где-то у соседей слышались шаги, тихий ласковый ветерок подул в форточку, легко-легко размахнул штормом. Не пришел? Пока нет.

Было очень жарко. Июль стоял знойный. Казалось, что воздух вокруг вязкий, как мед. Вдохнешь его, и жар разольется по всему телу. От солнца нигде не скрыться. А в такой шубе, как у Джека, жар ощущался еще сильнее. Вот бы сейчас прыгнуть в фонтан! Он прямо манит, разбрызгивает свои яркие капли, которые как маленькие звездочки падают на все вокруг. И такая свежесть от него разливается. Но мы ведь на службе. Какой нам фонтан? Алексей сидит на скамейке, Джек рядом. Как всегда. По аллее идет человек, странный такой. В такую жару он одет в куртку. Идет тяжело, грузно. В руке – чемодан.

- Взять, Джек! Фас!

Джек вытягивает свое тело, оно превращается в пружину, и эта пружина растягивает каждую его мышцу, каждую косточку. Джек хватается грузного мужчину за горло. Но тот не прост, выхватив нож, он вонзил его в тело Джека. Джек услышал визг, даже не поняв, что это он сам. Но уже бежит Алексей, выхватывает из кобуры пистолет.

А потом была полицейская машина, Алексей вез Джека на руках, зажимая рану. Гнали, как на пожар. Ветеринар колдовал над ним 3 часа, зашивал рану. Алексей еще три недели потом поил его из шприца, ставил уколы, спал рядом на его подстилке, не снимая своей руки с его головы.

- Ничего, мой хороший, ничего, я тебя не отпущу, умереть тебе не позволю. Я сейчас схожу за лекарством и приду. Подожди немножко. Я вернусь....

Джек открыл глаза. На улице стемнело. Уже зажглись фонари. Но Джек не тревожился. У Алексея такая работа. Он приходит домой в разное время. Это же служба. Какой уж тут график.

Снова солнце. Яркое, желтое, сладкое. У них с Алексеем отпуск. Они приехали в деревню. Это же раздолье, целый день прогулки! И на рыбалку вместе, и в лес, и купаться. Джеку очень нравится гонять соседских кур. Куры-дуры. Кудахчут, разбегаются, только перья летят. Алексей, конечно, хмурится и грозит Джеку, что накажет, но он это не всерьез. Это просто для остротки.

- Джек, я сейчас возьму удочки и пойдем на речку. Жди здесь, Джек, я вернусь....

Джек открыл глаза. Тишина. Уже стало тревожно. Утром он не хотел отпускать Алексея, его собачья душа чувствовала, что не нужно ему уходить одному. Джек юлил вокруг ног, запутывал свои следы вокруг, скулил, просил, умолял.

- Джек, сегодня работа в отделе. Отдохни. Сегодня задержаний не будет. Тебе только вчера прививку поставили. Надо тебя поберечь. Жди дома. Я вернусь...

Джек открыл глаза. На этот раз дверь действительно открылась. Джек поднялся, наострил уши. Это Петя! Петю тогда сильно ранили, но он выжил, они ведь бойцы. Их голыми руками не возьмешь! Да и Джек тогда подоспел вовремя, спас жизнь друга хозяина.

- Петя, ты почему один?

- Джек, Джек, Джек...

Петя размазывал слезы по щекам.

- Джек, Алеша погиб. Никто не ожидал. Но тот преступник ждал его у выхода из отдела. Он хотел мести.

Что такое Петя говорит? Ерунда какая. Все преступники задержаны. И остальные будут задержаны. Его Алеша – герой. Его просто так не сломить. Это все неправда!!!

Он сказал: «Я вернусь...»

Джек лег, закрыл глаза и приготовился ждать. Он будет ждать и дождется. Он верил своему Алексею, а он сказал: «Я вернусь!». Я буду ждать. Я буду ждать. Я обязательно дождусь.

Почтальонка

Раннее морозное утро тысяча девятьсот сорок второго года. Солнце еще не встало. Тишина. Лишь на пораженных холодом темных улицах стоит приглушенный гул, и изредка слышны одинокие шаркающие шаги. А за окном все также война. И завтра тоже будет война. И совсем не знаешь, чего ждать. А вдруг прямо сейчас и прямо на этот дом упадет бомба, и оборвется жизнь ни в чём не повинной школьницы. Тане всего тринадцать лет, и она уже привыкла к ежедневным бомбежкам. Она лежит на железной кровати прямо в одежде, закутанная в одеяло. Небольшая комната практически пуста. В углу, догорая, трещит печка-буржуйка, но тепла от нее уже почти нет. В этой старенькой печке Таня с мамой жгли все, что могло гореть: книги, мебель, одежду – такая уж она была прожорливая. Прожорливая... Жуткий голод путает мысли девочки, сковывает движения. От отчаяния она крепко сжимает оледеневшие пальцы в кулачок. Но лежать больше некогда – пора подниматься. Ведь ее ждут письма. Ее верные бумажные друзья, смиренно притаившиеся в старой черной сумке в надежде попасть в руки адресатов. К постели мамы каждое утро Таня подходит с замиранием сердца. Вдруг потормозишь ее, позовешь, а она не ответит... Страх. Он поработил людей, надев на них оковы ужаса, заставил подчиняться себе. Он преследовал Таню на каждом шагу, ходил за ней по пятам. Он был рядом с Таней, когда объявили о войне, когда папу забирали на фронт, вот и сейчас он снова рядом. Особенно страшно было Тане выходить на улицу после очередной бомбежки. Никогда не сотрутся из памяти эти страшные картины. Хотя чаще люди погибали не от бомб, а от голода, когда сил уже ни на что не оставалось. Существовало в Ленинграде даже такое неписаное правило – не ложиться и все время что-нибудь делать. Часто, тот, кто ложился, больше никогда не вставал. Люди падали прямо посреди улицы, а унести их всех не было сил. Таня не раз видела безжизненные тела, лежавшие на дороге, и каждый раз от ужаса сжималось сердце.

– Мамочка, мама, вставай. Уже утро. Пора, – Таня тихонько, как мышка, подошла к кровати и потрясла маму за плечо.

Мама так сильно изменилась за последнее время. До войны она была невероятно красивой. Длинные волосы цвета спелых пшеничных колосьев, заплетенные в тугую косу, румяные щеки и радостный взгляд зеленых глаз. Сейчас же лицо ее белое, как снег, щеки впали, а косу пришлось отрезать – на заводе с ней неудобно работать. Хотя на заводе мама не была уже целый месяц, ей не хватало сил даже встать с кровати. Все заботы легли на хрупкие плечики Тани. Так она и стала разносить почту. Ей, как взрослой, даже выдали

рабочую карточку, по которой полагалось двести пятьдесят грамм хлеба в сутки. Почти весь хлеб Таня, конечно, отдавала маме, себе оставляла совсем крохотный кусочек. Мама... Таня вновь прислушалась. Мама еле слышно дышала и, наконец, с трудом открыла глаза.

– Уже утро, милая? Действительно, пора. Как же холодно. Танечка, закинь-ка что-нибудь в печку, а-то совсем потухнет.

Расправившись со всеми утренними заботами, Таня попрощалась с мамой и поспешила на работу. Сегодня обещали много писем, в большей степени треугольнички с фронта. Каждый раз, наполняя сумку письмами, Таня невероятно волновалась. Она предвкушала, как будет передавать счастливым матерям весточки от их юных сыновей, как будет раздавать взволнованным ребятишкам послания от любимых отцов. Тяжелее всего было отдавать похоронки. Бывало, принесешь матери или жене солдата такую, а она прямо вдоль стены на порог скатится и тихо-тихо плачет, зажав рот рукой. Таня и сама тоже вдруг разрыдается, присядет рядом и сидит до тех пор, пока женщина не встанет и, еле переставляя ноги, не уйдет вглубь промерзшей квартиры. Наполнив старую черную сумку письмами, девочка поспешила по адресам. Первый дом, второй, третий, четвертый, пятый. Сегодня, по меркам Тани, очень хороший день, она не вручила ни одной похоронки. Сегодня, раскрывая бумажные треугольнички, ей все приветливо улыбаются. Одна женщина так обрадовалась полученному письму, что даже угостила Таню маленьким кусочком сахара. Вот здорово, будет чем порадовать маму!

Сумка тем временем почти опустела, осталось всего одно письмо. Адрес на конверте был знаком Тани. В этом доме жила ее любимая учительница – Антонина Семеновна. В довоенное время она часто приглашала учеников к себе в гости, угощала баранками и чаем с вареньем из малины, рассказывала разные интересные истории. «Надо бы поведать Антонину Семеновну, узнать, как она поживает. Давно я ее не видела», – подумала про себя девочка. Она быстро отдала последнее письмо какой-то старушке с недовольным морщинистым лицом и подошла к двери Антонины Семеновны. Осторожно постучав в дверь, Таня услышала за спиной тихий голос. Голос, который она узнала бы из тысячи других голосов.

– Танюша, милая, это ты? – на лестнице этажом ниже стояла пожилая женщина в очках и теплом платке. На улице, в толпе, Таня не сразу бы узнала в этой худой и бледной женщине Антонину Семеновну. Только добрая улыбка учительницы ничуть не изменилась.

– Антонина Семеновна, здравствуйте. А я как раз хотела к Вам заглянуть.

– Замечательно, значит, вовремя я вернулась – ходила за хлебными карточками. А ты, я вижу, почтальонка у нас теперь? Скажи-ка мне, деточка, раз уж это теперь по твоей специальности, вот уже целый месяц от моего любимого сыночка Ивана нет ни слуху, ни духу. Скажи, нет ли для меня треугольничка с фронта от него?

Тане вдруг так захотелось, чтобы у нее непременно оказалось то самое письмо. Быть может, оно застряло где-то в кармашке или спряталось в углу большой черной сумки. Но письма для Антонины Семеновны не было. Девочка разочарованно вздохнула, разведя руками в стороны.

– Простите, сегодня я уже разнесла все письма. Для Вас ничего нет.

– Жаль. Видимо, не сегодня получу я весточку от моего Ивана. Ну да ничего, я верю, что он жив и здоров, быть может, ему просто некогда. Защищает нашу Родину. А я вот без него совсем захворала, Танюша. Дай, Боже, сил мне дождаться моего сыночка. Да ты проходи скорее, совсем озябла. Я сейчас чайник поставлю, – сказала Антонина Семеновна, приглашая Таню в свою квартиру.

В тот вечер Таня долго-долго прогостила у своей учительницы. Они вспоминали довоенное время, веселые школьные будни, смеялись. Казалось, ненадолго обе даже забыли о войне. Антонина Семеновна снова улыбалась, как раньше.

– Ты, Танюша, приходи ко мне почаще, – сказала учительница на пороге квартиры, провожая Таню.

– Обязательно приду. И обещаю Вам, что в следующий раз принесу письмо от Вашего сына.

С того дня прошло уже две недели. Каждый день, прежде чем браться за работу, Таня перерывала целый ворох писем, в надежде найти то самое – для Антонины Семеновны. Но письма все не было и не было... И вот в одно морозное утро случилось настоящее чудо! Среди всех писем Таня нашла тот заветный треугольничек с фронта, на котором было выведено: «Бражкиной Антонине Семеновне, от Бражкина Ивана». Таня чуть было не закричала от радости. Она быстро, как только могла, побежала в знакомый старенький дом, по обледенелой и скользкой лестнице забралась на четвертый этаж и постучала в дверь маленькими кулачками. Никто не ответил. Она постучала вновь. И снова тишина... Слышно только, как ветер, словно плача, шумит в квартире. Таню охватило нетерпение, хотелось поскорее обрадовать учительницу, вручив ей долгожданное письмо. Взявшись за деревянную ручку, она отворила дверь (в Ленинграде входную дверь закрывали редко, все

равно братъ было нечего). Никого. Квартира Антонины Семеновны была пуста. Таня замерла на пороге. Ей вдруг стало очень страшно. Тут из соседней квартиры выглянуло недовольное морщинистое лицо старушки, которой Таня доставляла письмо в прошлый раз, когда была здесь. Старушка недовольно взглянула на девочку и спросила:

– Ты чего здесь шатаешься?

– Здравствуйте! Я ищу свою учительницу, Антонину Семеновну. Она живет в этой квартире.

– Жила. Умерла она два дня назад. Так что делать тебе здесь больше нечего, – сквозь зубы проговорила старушка и захлопнула дверь.

Таня обомлела. Она осела на холодный пол, слезы катились по щекам. Сердце сжималось от боли, словно сегодня кто-то вручил похоронку ей. Ее учительницы, Антонины Семеновны, такой родной и близкой, больше нет. Она ушла навсегда, так и не получив долгожданное письмо от любимого сына...

Рябкова Ксения

Пуговка

Морозный ясный день. В небе ярко светит солнце. Я счастливая бегу по заснеженному тротуару домой. Радостно перепрыгивая через ступеньки, я забегаяю в квартиру.

- Мамочка, я пришла!- прокричала я.

- Как в школе дела, выставили четвертные оценки? - с ходу поинтересовалась мама.

- Все пятёрки, кроме истории, но ты же знаешь история не моё. Ты не волнуйся, до конца учебного года много времени, всё исправлю.

Я сдёрнула заснеженную шапку с головы, закинула её на полку и уже готова была скинуть пуховик, как из кухни послышался мамин голос:

- Не торопись раздеваться! Звонила бабуля, просила тебя зайти к ней. Она решила сделать к Новому году генеральную уборку, и ей нужна твоя помощь.

- Я побежала! – прокричала я уже в подъезде, торопливо спускаясь по ступенькам. Я люблю ходить к своей бабуле, так ласково мы называем мамину бабушку. Она живёт в соседнем доме, всегда радостно встречает меня и рассказывает захватывающие истории, которые я слушаю с интересом.

За несколько часов мы с бабушкой убрали всю квартиру и прибрали во всех шкафах, остался не разобранным лишь тёмный чемодан на антресолях.

- Бабушка, а что это за чемодан спрятан? – спросила я.

Бабушка встала на табуретку и достала чемодан. В нём лежали старые фотографии, наградные документы и благодарности дедушки. Вдруг во внутреннем маленьком кармашке чемодана я нащупала что-то круглое. Я достала крохотный свёрток из пожелтевшей с годами ткани, перевязанный ниткой.

- А что это? – спросила я.

- Можно я разверну?

Я осторожно развязала ниточку и развернула крохотный кусочек ткани. Внутри была маленькая потёртая пуговка. Я аккуратно взяла её в руки и протянула бабушке.

- Бабушка, это же просто пуговка!

- Это не просто пуговка, - еле слышно сказала бабуля, - это частичка моей, маминой, твоей жизни и девочки Нюры.

- Девочки Нюры? – в недоумении спросила я.

- Да, девочки Нюры, родной сестры моей. Когда началась война, ей было немногим 3 года и жила она с мамой, папой и сестрой. Отца забрали на фронт, мама осталась одна с детьми на руках.

Когда начались сильные бомбёжки и обстрелы, народ стали эвакуировать. В первую очередь вывозили стариков, женщин и детей. Нас посадили в поезд и отправили состав. Мы не знали, куда нас везут, чуть позже стали поговаривать, что в Казахстан. Вместе с нами в вагоне ехало много людей, было очень тесно. Места всем не хватало, но никто не жаловался. Я спала на верхней полке, а мама спала сидя, держа на руках мою сестричку Нюрку. В вагоне стояла тишина. Иногда слышны были тяжёлые вздохи стариков, посапывания детей и стук колёс. Лишь на некоторых станциях при остановках была бомбёжка, пушки грохотали с такой силой, что аж уши закладывало. Было страшно, особенно я переживала за маму и сестричку. Маленькие дети были напуганы и сильно плакали, особенно наша Нюра. От страха она нервно теребила пуговку на кофточке и зажимала её зубами, наверное, это её успокаивало.

Бабушка умолкла, тяжело вздохнула и продолжила свой рассказ:

- Когда были бомбёжки и обстрелы на станциях, в моей голове крутилась только одна мысль о том, чтобы поскорее закончилась война, мы вернулись к себе домой и были все вместе. Ведь на родной земле остались дедушка с бабушкой. Мы ничего не знали, как сложится их судьба. Лишь мама вспоминала о них и тихонько плакала.

И вот, проехав не одну сотню километров, поезд прибыл к месту нашего временного проживания, как на тот момент думала я. Внезапное массовое переселение людей вызвало множество бытовых проблем. В городах не хватало мест для размещения, и людей отправляли на проживание в сёла. Транспорта не хватало, и мы несколько дней сидели на эвакопункте, ожидая своей отправки к месту проживания. Нас приютила женщина, оставшаяся в то тяжёлое время одна. Мужа забрали на фронт, детей у них не было. Она выделила нам комнатку в своём небольшом домике, помогла пристроить маму на работу в колхоз, меня оформили в школу.

- Бабушка, а что же было дальше? – с нетерпением выпалила я.

- А дальше внученька, тяжёлые дни сменяли друг друга. Мама работала порой в две смены, не успевая выполнить суточный план, чтобы прокормить семью. Мне, десятилетней девочке, приходилось совмещать обучение в школе с домашними делами, присматривать за младшей сестрой. В те времена все испытывали голод. Хоть как-то прокормиться тётя Дуся, так звали женщину, которая нас приютила, разрешила нам посадить в огороде овощи, пшеницу. Развели небольшое хозяйство, состоящее из нескольких кур и гусей.

Бабушка посмотрела на меня, тяжело вздохнула и продолжила:

- Тяжело приходилось жить в военное время, особенно зимой. Стояли морозы. В домах было холодно. Дрова заготавливали сами. В доме у нас стояла печка, которую топили несколько раз в день, чтобы обогреть дом, на ней же готовили еду. Для нашей семьи зима 1942 года стала особо тяжёлой.

- Бабулечка, а что же произошло в 1942 году, расскажи? – торопила я её.

Она взглянула на пуговку, вытерла покотившуюся по щеке слезинку и продолжила:

- Мама всегда переживала за мою сестрёнку, уж очень слабенькая она была, часто болела. И вот в феврале 1942 года, когда на улице бушевали метели и морозы крепчали с каждым днём, заболела моя сестрёнка Нюра. Во времена войны была нехватка медикаментов, и местные медики не могли оказать должную помощь людям. Тётя Дуся с мамой старались лечить малышку народными средствами, но всё было тщетно. Болезнь не отступала.

И вот однажды ночью я услышала, как мама сильно плачет, а на утро увидела пустую люльку. Рядом на полу лежала крохотная пуговка от кофточки моей любимой сестрёнки.

Бабушка умолкла. Потом крепко сжала кулак, с находившейся в нём пуговкой и сильно заплакала. Я тоже сидела молча, по щеке покатились слезы, потом обняла её крепко-крепко. Теперь я понимаю, почему она постоянно твердит мне: «Ближе и роднее человека, чем сестрёнка, нет, и никогда не будет. Вы должны быть всегда вместе, любить и беречь друг друга».

Немного успокоившись, бабуля продолжила свой рассказ:

- Выбросить не могу! – тихим голосом проговорила бабушка. - Обычная пуговка, а выбросить не могу!

- Я оставила пуговку в память о своей Нюрке и сберегла её. Сохранила её и во время переезда после войны на Урал.

- Не выкидывай её, бабуля! Давай будем хранить её и передавать из поколения в поколение! Ведь Великая Отечественная война – это наше общее страшное прошлое, про которое мы не должны забывать.

Вдруг у меня зазвонил телефон.

- Ты опять оставила ключи дома! – громким голосом проговорила мама. - А мне нужно идти в детский сад за сестрой!

- Не надо, мама, не ходи! – закричала я в трубку. Я сама буду её забирать каждый день, заботиться о ней и буду для неё самой лучшей сестрой!

Трофимова Милена

Мать золота

Июльское утро. Проворные воробьи прыгают по лужам вчерашнего дождя и звонко чирикают. Росная¹ трава гнётся от лёгкого ветра. Чуть слышно скрипнула подъездная дверь. Студент Исовского геологоразведочного техникума Тихон Семёнов поправил кепку, помахал матери в окне и направился к автобусной остановке. Он свалился на скамью, нацепил наушник и включил телефон. Листая новостную ленту Яндексa, парень оглядывался по сторонам и с нетерпением ждал. Почему-то автобус задерживался. Сегодня он будет работать на драге №27. Это такая романтика: тяжёлый физический труд, окупаемый граммами благородного металла. О золотоискателях Семёнов знал с детства по рассказам деда.

Подошёл автобус. Тихон нырнул в салон, буркнув всем:

—Здрасьте!

Проехали скалы (так называют местные громадные булыжники известняка между посёлками). Мелькают сосны, как мачты корабля. Всё зелено. Быстро добрались до места. Тихон шустро выскочил из автобуса. Он тут же увидел

¹ Росная – покрытая росой (диал.)

Петровича, Георгия Платинова. И сегодня самокрутка² прилипла к губам старика. Выцветшие голубые глаза приветливо встречали парня.

—Здравствуйте, Вы, Георгий Платинов? — поздоровался студент и протянул руку.

—Я буду, — отозвался Петрович и пожал молодую крепкую ладонь. — А ты поди Тихон Семёнов? Внучок Викторовича нашего, Толи Шáдрина. Поробить вместо старого решил, пока он на кровати валяется с горячкою-то? И как его Бог угораздил?

—Я всего на одну смену пришёл, деньги нужны, — ответил Тихон. — Дед неделю тому назад у нас за домом рыбачил на лодке, сети проверял. Караси, линьки да щука попались. Он как доставать начал, так и вывалился за борт. А дело утром было. Вода ледяная, солнцем не обогретая. Дед, пока барахтался, щука - не дура - взяла да выпрыгнула. Пришёл: на сапогах водоросля болтается, на плече мережа³ порванная, а в пакете рыбёшка елозит. Его бабка отчихвостила⁴, но вечером ухой накормила. Славная уха была.

—Уха – это дородно. Ну, пускай ли́шка не хиридит⁵. Здравия от меня почай⁶, — притоптывая чинарик⁷, пожелал дед Георгий. — Ну, робятёнок, робить-то знашь как? Надобно ли распинаться?

—Знаю-знаю, мне всё дед рассказал, — отозвался парень и глянул на габаритную машину. — А как давно она работает?

—Давесь⁸, лет сто зна́мо своё пашет. Производства Мотовилихинских заводов Пермского края. Всю Кóсью обошла, здесь, на Нижнем Ису, её поймали, блудницу.

—Петрович, почему «поймали», а почему «блудница»?

—Ты авось здешнюю байку не слыхал, про драгу-то нашу? — улыбнулся старик. — Неужто в Сети-то вашей ничё не написано?

² Самокрутка — самодельная папироса, сигарка (устар.)

³ Мережа — рыболовная снасть конусообразной формы, состоящая из сети, натянутой на обручи (устар.)

⁴ Отчихвостить — сильно выругать, отчитать за что-либо (прост.)

⁵ Хиридать — болеть (диал.)

⁶ Почаять — чаять — желать (устар.)

⁷ Чинарик — недокуренная сигарета или папироса (жарг.)

⁸ Давесь — давно (устар.)

— Не написано, — помотал головой Тихон и пожал плечами. — А что за байка? Расскажите? Интересно.

— Всамделе? Ну, внимай⁹ тогда, ворон не считай, единовыи раз баять¹⁰ буду, — проговорил он, отсыпав табуку на газетную полосочку. Скрутил козью ножку и щёлкнул закигалкой. — Сыздавна это произошло-то. Десятков шесть тому назад, коль память не подводит. Я был совсем мальчишкой, тем ишшо¹¹ озорником. Отец мой, Царство ему небесное, занят вечно делом был. На теперешней драге безвылазно днём и ночью робил. Маршрут старатели Исовского прииска проложили от посёлка Косья через деревню Дружелюбная до Иса, где наша речка-то Ис с Лабазкой встречается. Геологи говорили, якобы здесь золото полосовое, быдто¹² крупа пшеничная¹³. В жилке и платина пряталась. Мы-то жили на глухой заросшей деревне Белая. Мимо нас идти должна была драга. Отец сказывал, старатели, выправившие агрегат, не жалели берегов реки. Да и о земле шибко не переживали...

Дед вдруг замолчал, посмотрев на белые ромашки, задумался, вздохнул и дальше заговорил:

— Драга бодяжила¹⁴ на своём пути от мала до велика: камни, кусты, кедрачи. Сплетничали, мол, она, дабы выбраться из еловой-то чашши¹⁵, исторкала¹⁶ лишка подзолистых пород, искурочила¹⁷ и погромсала своей мощью так, что образовались холмы, на которых робятёшки на санках зимой шныряют. Поначалу-то ладём дело шло, а потом мужики заметили, что машина жалобно стонать стала, пока няшу¹⁸ скребла и пропускала чрез механизмы муть, отсеивая добрый ресурс. Понимала она, железная, какую беду-то Матушке-природе насолила. Сколько зверья потеряли свои норы, сколько под тоннами металла сгубились. Живее самого настоящего человека драга оказалась...

⁹ Внимать – обращать всё своё внимание на что-либо (устар.)

¹⁰ Баять – рассказывать (устар.)

¹¹ Ишшо – ещё (диал.)

¹² Быдто – будто (диал.)

¹³ Крупа пшеничная, пшеничка, крупчатка – золото (диал.)

¹⁴ Бодяжить – смешивать (диал.)

¹⁵ Чашши – чащи (диал.)

¹⁶ Исторкать – изломать на мелкие части (диал.)

¹⁷ Искурочила – курочить – ломать, коверкать (устар.)

¹⁸ Няша – ил на дне пруда, жидкая грязь (диал.)

Старик махнул водителю проезжающего УАЗика, присел на здоровенный камень у обочины и приметил, что студент всем своим видом жаждет продолжения.

—В иной раз уросить¹⁹ начнёт, заглохнет и станет, томно изнывая на далёкие-далёкие километры. Старатели макушки чешут: пошто не едет? Припоминаю, жаркая ночь была. Майская. Матушка на Ису в больнице караулила, отца за мастером в город послали. Валяюсь на печке нога на ногу, сопля на щеку. Скотину досыта накормил, дров да воды в íзбу натаскал. Играюсь с Муркой Семёновной. Она, усатая-полосатая, прыгнет, хвостом вильнёт и под лавку нырнёт. А там уж и по новой. Вдруг внимаю, как кто-то плачет за окнами. На улку²⁰ бегу, а стон от реки тянется сильный, страшный. Иду, как заяц, от шороха дрожу осиновым листом. На обрыв-то выхожу и гляжу: кимарит²¹ драга передо мной, замурзанная²² от грязи, мученица. А вода-то!

Петровича прервали басовые голоса, доносящиеся от агрегата. Его мужики звали: пшеничку¹³ пора собирать. Однако старик лишь усмехнулся и почесал седину. Тихон испугался, что на самом интересном месте байка оборвётся, но не тут-то было.

—Вода-то золотая вокруг! А из хобота её бусенцы²³ текут. Обильно текут, как мёд из пчелиных сот. Ох уж и испужался²⁴ я тогда. Глазам не верил. От драги по руслу до истока, против течения, река Ис озолотилась, пожелтела, быдто солнце румяное на небосводе. Дивья²⁵ картина, подлинно я заморожился. Когда обыгался²⁶, родственнички дома были: уши отодрали, мол, сбежал из избы, а калитку не закрыл. Животина-то могла разбежаться. Потом ходи, ишы²⁷ по всей Белой. Отец чихвостит, а я пялюсь²⁸ и быдто язык-то проглотил. Как дремать легли, баю ему про агрегат, а он всё:

—Поди, Гоша, поди, Бога ради. Ухайдакался²⁹ я.

¹⁹ Уросить – капризничать, вредничать (диал.)

²⁰ Улка – улица (диал.)

²¹ Кимарить – спать, отдыхать (диал.)

²² Зумарзанный – сильно испачканный (разг.)

²³ Бусенцы, бус – золото (диал.)

²⁴ Испужаться – испугаться (диал.)

²⁵ Дивья – удивительно (прост.)

²⁶ Обыгаться – прийти в сознание (диал.)

²⁷ Ишы – ищи, искать (прост.)

²⁸ Пялиться – устремлять взор куда-либо, смотреть (прост.)

²⁹ Ухайдакаться – сильно устать, изнеможеть, выбиться из сил (жарг.)

Как только петухи запели, повели скотину на пасево³⁰. Старатели дошли до делянки³¹ и рты разинули. Нету драги-то! Нету родимой. Канула, быдто сквозь землю провалилась. Искали-искали – не нашли. С тех пор по посёлкам слухи пошли, что по ночам кто-то шоркает³² грунт, тяжёло тащится и рыдает. На полях пастухи находили целые разрывы глубиной до десятка метров, а егеря гектары поваленного лесу. Где прошла машина с длинным хоботом, простой народ стал крупчатку¹³ да бус²³ находить. Байки плели³³ про драгу двадцать седьмую. Якобы золото она порождать стала, чтобы вину искупить за испоганенную землю. Много ли, мало ли лет прошло, а отыскали её на реке Большая Нясьма. А чтобы больше не сбежала, якорь припаяли. По сей день он крепко держит Мать золота.

—Ого! — воскликнул Семёнов, пока старик Георгий важно поглаживал бородку и поглядывал на агрегат.

—Да-а, байка-то взаправду хороша, но отец мне таки не поверил. Да Бог с ним! Ну, Тихон, айда робить! А-то мужики опять затанули свою:

По долинам реки скребёт
Машина с длиннющим хоботом.
Платину с дна достаёт
И делится с человеком золотом.
Она нужность уральских мест,
Исовской старатель-трудяга.
—Кто бережет Иса честь?
—Наша родимая драга!

³⁰ Пасево – пастбище (диал.)

³¹ Делянка – участок земли, выделенный для обработки (спец.)

³² Шоркать – скоблить (разг.)

³³ Плести – сочинять (прост.)

Сила материнской любви

Женитьба

Дверь калитки хлопнула, Глаша вышла с огорода во двор. Смутные чувства терзали ее последнее время. Самое начало войны, а тут Пашка со своей женитьбой. Покоя не давал - давай жениться и все тут. Пашка во дворе потряхивал Шарика за холку, пес крутился около него, забегая то с одной стороны, то с другой, показывая гостю свою радость. Увидев Глашу, Пашка оторвался от собаки, раскинул в стороны руки, призывая Глашу в свои объятия, и торжественно произнес:

- Глафира Ильинична, пойдете регистрироваться. Я в сельсовете видел Савельича, он сейчас там бывает редко, а специально из-за нас туда идти не хочет. Говорит, дела сдает. Собирайся.

- Ты опять за женитьбу... Как же я жить буду? Ты на фронт, а я с твоей мамой. Не любит она меня. А я боюсь ее, - Глаша замолчала, поднесла ладонь к губам и виновато опустила глаза. Длинная русая коса, перекинута через плечо, красиво лежала на белой блузке с рукавами, тесненными по краям ручной вышивкой. Выбившиеся из-под платка русые волосы подчеркивали красивый, ровный загар лица. Крупные черты лица, иссиня-голубые глаза и легкий румянец от работы в огороде в жаркий день, - она была настоящей красавицей, к такой могут и посвататься, - так думал Пашка. Он давно любил ее, признался недавно, а тут война. Но жизнь - она сильнее, - так думал Пашка, он верил в это, война скоро закончится, но жениться надо сейчас. Чтобы он знал, уходя на фронт, что его ждет жена и мама. А может быть, и ребенок... Тогда он обязательно вернется, фрицев они победят, и жизнь наладится. Вот надо только убедить Савельича их поженить, а то он что-то про какую-то печать толковал... На этих мыслях его прервала Глаша:

- Ты ведь и у родителей меня не сосватал. А мама твоя вообще будет против, - она выжидающе взглянула на него.

- Пойдем к Савельичу без родительского благословения. Пока будем спрашивать его, Савельич уже дела свои сдаст и закроет сельсовет. И потом, где сейчас твои родители? На покосе. Их несколько дней не будет. Некогда нам ждать, - он решительно двинулся к Глаше и взял за руку.

Савельич

В сельсовете было тихо. Савельич, прихрамывая на одну ногу, не спеша передвигался по комнате. Свет падал из бокового окна, и в его лучах летали пылинки, как будто догоняя друг друга. Когда-то в этой комнате было столько народу, что присесть было негде. Приходилось ждать на улице. Полки прогибались вниз от учетных книг, записи в

которых вел с испокон веков он, Савельич. Сейчас книг нет, записи в них никто не ведет, война... Все вывезли в район. Когда-то он звался Володей, потом Владимиром Савельевичем, а сейчас его имя сократилось до простого - Савельич. Он с поникшим видом смотрел на луч солнца, пробивавшийся в окно, задумался о своей жизни: дома у него жена, двое сыновей ушли на фронт. Война эта... Когда она, проклятая, закончится? А вдруг он помрет и не дождетя сыновей с войны, а вдруг они не вернуться? Раздумья прервал вошедший в комнату Пашка:

- Савельич, регистрируй нас! – торжественно заявил он с порога. - Время требует. Любим друг друга.

Савельич оживился от грустных мыслей:

- Ишь ты, бравый какой! Вынь да положи ему! Записи не производятся по распоряжению райкома. Война идет, а они жениться собрались. Печати у меня нет, книги регистрации тоже. Вон, только книга смертей осталась, с этим нельзя временить. А с женитьбой можно и повременить!

Савельич приободрился и на время ощутил себя тем Савельичем, который работал в сельсовете до начала войны: строгим, пристрастным, щепетильно относящимся к своей работе, недаром и работал он здесь, сколько себя помнит.

- Савельич, ты в какую-нибудь книгу запиши, а нам подтверждение выдай на листе бумаги. Мы его хранить будем, как война закончится, мы его принесем, и ты внесешь запись в ту книгу, которую нужно... - такому внезапному предложению Пашка удивился самому себе.

- Не положено так. Я порядки знаю. А коль я умру до окончания войны? Кто подтвердит вашу бумажку? - противился Савельич.

- Савельич, война скоро закончится. Победим мы этих немцев проклятых, я на фронт ухожу. Сделай доброе дело. Ты нас с детства знаешь.

С такой просьбой к Савельичу никто не обращался, с другой стороны, война идет... Тут он обратился к Глаше:

- А ты чего молчишь, красавица? Хочешь ли ты замуж?

Глаша подняла на Савельича глаза:

- Да, если бы не война. И не Мария Алексеевна... Дюже не ко двору я ей. Приживусь ли я у нее...

- Аааа, Мария Алексеевна – женщина суровая, но справедливая. Ты в рот ей не смотри. Сама свой характер показывай. Жизнь у нее была не из легких: мужа потеряла рано, двух детей во младенчестве похоронила и замуж больше не выходила. Этот юноша, - кивнул он на Пашку, - у нее один.

- Ну так что, Савельич? – с надеждой в голосе спросил Пашка.

- Эх, ладно, чего уж там. Сделаем исключение, - Савельич залихватски махнул рукой, взял лист бумаги и что-то долго выписывал пером с чернилами. Пробежав глазами по бумаге, он поднес ее к окну, подул, чтобы чернила высохли. На глаза навернулись слезы, он подумал о том, что, вполне возможно, это последний зарегистрированный им факт жизни односельчан. Потом мелькнула надежда, что, может быть, и нет. Он повернулся к Пашке с Глашей и торжественно произнес:

- Поздравляю вас с регистрацией брака. Живите дружно, - и передал бумагу Пашке. Он хотел еще что-то добавить, но лицо Пашки просияло такой радостью, после чего он схватил Глашу на руки и с криком: «Спасибо, Савельич!» вылетел из сельсовета.

Мария Алексеевна

Когда Глаша появилась на пороге дома Пашки с вещами, Мария Алексеевна сидела на табуретке и вязала. Клубочек катался по полу, а спицы в ее руках так и бегали одна за другой.

- Здравствуйте, Мария Алексеевна, - еле слышно произнесла Глаша.

Сзади вглубь комнаты ее подталкивал Пашка:

- Мама, вот мы и дома. Вместе с Глашей.

Мария Алексеевна взглянула на Пашку, положила на стол спицы с вязанием, встала, поправила передник. Она была высокого роста, очень худая, седоватые волосы были собраны на голове и повязаны платком. Лицо было изъезжено морщинками, больше у глаз и губ. Она с недоверием посмотрела на Глашу и произнесла:

- Здравствуйте, дети дорогие. Проходите. Давайте ужинать. Картошка и козье молоко.

За ужином Мария Алексеевна сказала, что приходил кто-то из деревенских и сообщил, что в течение месяца Пашку заберут на фронт. После этих слов губы ее задрожали, но на этом она сдержалась:

- Я вещи тебе теплые собрала. Носки довяжу завтра. Сынок, ты возвращайся, - она подошла к сыну, прижала его к себе.

- Мам, я вернусь, ты только Глашу не обижай.

- Чего я ее обижать буду? Замуж сама захотела, пусть живет.

Жизнь в тылу

Без Пашки жить Глаше в чужом доме было тоскливо, хотелось вернуться к родителям.

- Чего же ты меня чураешься, ничего плохого я тебе вроде не сделала, а? – обратилась как-то к Глаше Мария Алексеевна.

- Я не чураюсь, - сухо ответила Глаша.

- Дома-то копала картошку? Пора копать, а то зимой помереть можем. Пойдем. Я буду копать, ты – выбирать.

Картошку выкапывали молча, пока Мария Алексеевна не прервала молчание вопросом:

- Ты, Глаша, знай одно: Пашка для меня навсегда будет любимым сыном. Тебя полюбить не смогу. Тебя родители должны любить. А вот если случится самое страшное: Пашенька погибнет, Родину защищая, что ты делать будешь? Так и останешься со мной в солдатках жить?

На этих словах Мария Алексеевна перестала копать, встала, оперлась на лопату и вопросительно посмотрела на Глашу. Глаша остановилась выбирать картошку, выпрямилась, посмотрела на Марию Алексеевну и произнесла:

- Чего же это вы, Мария Алексеевна, хороните его? Вы же в Бога верите, Пашка говорил, и втайне молитесь, так?

Мария Алексеевна утвердительно кивнула головой.

- Придет он живым, я тоже молиться буду. Не называйте меня больше этим словом – солдатка. Я – жена.

Солдатками в деревнях называли тех, кто не являлся женами, не имели детей, о них говорили: не замужем – не в девках.

Ванечка

В мае 1942 года Глаша родила мертвого мальчика. Роды были очень тяжелые. Бабка-повитуха Аксинья, тучная женщина лет семидесяти, страдавшая заболеванием суставов ног и от этого сама еле передвигавшаяся, после родов Глаши сказала ее свекрови:

- Все, Мария, больше принимать роды ни у кого не буду. Вес дитя больше пяти килограммов, задохнулся. Как она сама осталась жива, не знаю. Третьего ребенка мертвого принимаю. Видно, Бог из-за войны не хочет детей на эту землю, - Аксинья долго копалась в каких-то мешочках, пересыпая травы.

- Вот, возьми, будешь заваривать невестке своей и отпаивать. Бог даст, поправится, а вот родит ли еще когда-нибудь, одному Богу известно, - она передала Марии Алексеевне мешочек с травами.

Мария Алексеевна стояла, словно тень, и не слышала слов Аксиньи, она смотрела вдаль стеклянными глазами, а слезы текли по лицу, шее. Она была не в силах остановиться. Мария Алексеевна очнулась, когда Аксинья потрясла ее за руку. Взяв у повитухи мешочек, она двинулась в комнату. Увидев маленькое мертвое тельце синюшного цвета, лежащее на лавке, Мария Алексеевна отшатнулась, повернулась к дверям. Почерневшая от горя, она

молча двинулась к Акимычу, дряхлому старику восьмидесяти с лишним лет, но больше ходячих мужчин в деревне не осталось. Всех забрали на фронт. Она вошла к нему в избу. Акимыч сидел на табурете и курил трубку.

- Здравствуй, Акимыч, - еле произнесла Мария Алексеевна.

- Здравствуй, Мария. С чем пришла? У тебя картошки не осталось? Нам со старухой не хватило. А не посадим, совсем голод будет зимой. В эту кое-как дотянули, очистки картофельные ели. Варили и ели.

- Я дам тебе картошки, и молока козьего дам. Мне надо..., - она запнулась и выдавила из себя, - внучка земле предать. Гроб сколотить и на кладбище снести. Помогите, пожалуйста, - она полными слез глазами посмотрела на Акимыча, который уставился на нее и не произносил ни слова. В этот момент губы его задрожали, он зашамкал беззубым ртом, поднялся с табурета, отвернулся от Марии Алексеевны, пряча слезы.

- Я сейчас приду, помогу, мне ничего не надо, я так... Я не знал, про картошку просто спросил.

Но Мария Алексеевна его уже не слышала, она была в своих горестных мыслях.

Мальчика, которого Мария Алексеевна нарекла Иваном, они с Акимычем похоронили рядом с ее двумя детьми, умершими также во младенчестве. Мария Алексеевна оставалась на кладбище, читала молитвы за упокой, потом пришла домой и долго молилась. За ангельскую душу младенца Ванечки, за Пашку, за Глашу.

Глаша почти месяц после родов лежала, почти не ела и только по настоянию Марии Алексеевны пила отвары приготовленных ею трав. Она отворачивалась к стенке и так лежала, почти не разговаривала, лишь иногда скудно отвечая на вопросы Марии Алексеевны о ее самочувствии. Один раз Мария Алексеевна имела неосторожность сказать, что, возможно, так произошло потому, что Глаша во время беременности сидела спиной к печке, грела ее, потому что спина болела. А ведь Мария Алексеевна говорила ей, что так сидеть нельзя, «ребенок может прирасти». Эти слова больно ранили и без того убитую горем Глашу, в один из дней она встала с кровати, пока Мария Алексеевна копалась в огороде, и направилась в дом к своим родителям.

- Здравствуй, мама, - обратилась Глаша к матери, не заметившей ее.

- Дочка! – мать кинулась обнимать дочь. А потом сходу начала:

- Как ты? Все сладится, вот увидишь, Бог дал, Бог взял. Суждено значит так. Вот закончится война, вернется Пашка, вы и народите деток.

- Мама, можно я у вас жить останусь? Плохо мне там. Невыносимо. Без Пашки. А когда он вернется, - она осеклась, а потом поправилась, - если вернется, я с ним уйду обратно.

- Да ты что, дочка? Замуж ведь ты вышла. Как же ты у нас жить будешь? Не положено так. Осудят нас в селе-то. Пашке скажут, когда он вернется. А заберет ли он тебя потом? Сама страдать будешь. Придет он, да и другую в деревне найдет. Девочек в деревнях много, а мужиков мало.

Глаша заревела на груди у матери, она гладила ее по волосам и приговаривала:

- Дочка, ты меня послушай. Вот у меня свекровь была, ты ведь помнишь бабушку Вассу? Царствие ей небесное. Гнобила меня, жизни не давала в молодости, а когда слегла и я десять лет за ней лежачей ухаживала, так она руки мне целовала и золотыми мои руки называла. Прощения у меня перед смертью просила. Я простила. А как же иначе? Она меня потом больше своего сына любила и его ругала за меня, мою сторону принимала. А ты знаешь, я ведь не всегда была права, понимала это. Все наладится, послушай меня, я жизнь прожила. У свекрови твоей жизнь тоже не из легких была, все рассказывать, так и дня не хватит. Поверь мне...

Послушала Глаша мать, вернулась в дом к свекрови. Деревенская почта сработала быстро. Мария Алексеевна о попытке Глаши вернуться домой узнала и встретила ее не очень дружелюбно:

- Ты что же это, Глаша, в дом к матери бегала? Зачем? Разве я тебя выгоняю или плохо к тебе отношусь? Дай мне время. Не прикипела я к тебе еще душой. А Пашка придет, чего я ему скажу? Будем вместе ждать Пашку и когда эта война, проклятая, закончится, - она подошла к Глаше, хотела дотронуться до ее руки, но осеклась и едва провела своей рукой по волосам Глаши. Глаша от неожиданности отпрянула назад, повернулась и ушла в другую комнату.

Прошло несколько лет...

Весть о долгожданной Победе застала Глашу с Марией Алексеевной в огороде. Что делалось в деревне, сложно было описать и представить. Люди обнимались, целовали друг друга, подкидывали вверх кепки, кричали, целовали землю...

- Ну вот, Глаша, и мы дождались, - произнесла с комом в горле Мария Алексеевна, - скоро Пашка придет.

Она перекрестилась после этих слов, сняла платок и посмотрела в голубое небо.

Пашка вернулся с войны только в начале 1946 года. Жизнь начала налаживаться...

Алешенька

Шел 1950 год... Мария Алексеевна сидела с трехлетним внуком на скамейке под акацией. Светило яркое солнце. Большие голубые глаза внука с длинными ресницами были устремлены на бабушку. Они лепили из глины игрушки, разговорчивый внук засыпал бабушку вопросами, а та не успевала отвечать:

- Бабуля, сколько тебе лет? Ты уже старенькая, да? Мы тебя не бросим никогда.

Мария Алексеевна улыбнулась словам внука и поблагодарила его.

- А моя мама Глаша молодая, да? Сколько ей лет?

- Твоя мама молодая, да. Ее зовут Глашенька. Можешь ее так называть.

- А почему ты так не называешь, а мне говоришь? Ты любишь мою маму?

Этот вопрос застал Марию Алексеевну врасплох, она смутилась:

- Я не называю, а ты называй, ей приятно будет. Она у тебя хорошая, дороже мамы в жизни никого нет.

Чтобы сдержать слезы, Мария Алексеевна встала со скамьи, отошла на полянку, нарвала простеньких, но красивых цветов, села на скамейку, собрала их в букетик, ловко перевязала травинкой и отдала внуку:

- На вот, иди, подари маме. Скажи, что ты ее любишь и не говори, что букетик нарвал не ты. Понял?

Алеша хитрыми глазами посмотрел на бабушку, кивнул, взял букетик и побежал к маме. А Мария Алексеевна осталась в раздумьях сидеть под акацией, ей давно не было так хорошо....

Ты мое счастье

В 1964 году Алешу забрали в армию, все бабушкины заботы переключились на четырнадцатилетнюю внучку Катю. Шла пасхальная неделя, предстояли весенние работы в огороде. Мария Алексеевна подошла к иконе святого Николая Чудотворца, хотела поправить наклонившуюся горевшую свечку. Рука ее дрогнула, свечка упала на ее передник, одежда загорелась. На крик прибежала внучка, она не растерялась, схватила ведро с водой и вылила его на бабушку. Не обошлось без последствий: Мария Алексеевна, пока пыталась справиться с огнем сама, сильно обожгла руки и тело. После этого она слегла. Глаша не отходила от свекрови, делала перевязки. Приезжал доктор, после осмотра предложил ехать в больницу, но Мария Алексеевна отказалась. Он выписал лекарства и уехал. Несмотря на заботу и уход, с каждым днем Марии Алексеевне становилось хуже. Глаша делала перевязку, сглатывая слезы от той боли, которую в этот момент испытывала Мария Алексеевна. Мария Алексеевна дотронулась до ее руки, посмотрела в глаза, стараясь поймать ее взгляд, но Глаша прятала глаза, полные слез:

- Глашенька, ты прости меня за все. Что по молодости было - виновата я перед тобой. Не разглядела я тебя сразу, - слезы покатались по ее лицу, глаза как-то сразу потускнели.

- Да вы что, Мария Алексеевна, не было ничего плохого, - произнесла Глаша, сглатывая слезы.

- Ухожу я, Глаша, счастливая ухожу. Бог и смерть для меня хорошую уготовил, свечку в руку дал, он и зажег, по его благословению и умираю, даст Бог, еще на пасхальной неделе уйду, и грехи мои простятся. Я тебе хотела сказать... Не один у меня сын, Глаша, у меня дочь есть - это ты. Ты мое счастье, Глаша..., - глаза ее стали совсем стеклянными, она была уже не с Глашей.

Глаша упала на грудь свекрови и рыдала так, как она не плакала на похоронах своей матери, ушедшей два года назад.

PS. Через год односельчане нашли повод для обсуждения: сорокапятилетняя Глаша родила девочку, которую назвали Машей. Мамино счастье....

Другова Наталья

Первый месяц осени. Сейчас в лесах особенно хорошо. Есть здесь какое-то спокойствие, выходящее за рамки повседневных забот. Кажется, ничто не может его потревожить. Куда ни взглянешь - видишь потрясающие красотой пейзажи, желающие увековечить свой образ на полотнах и ждущие руки мастера.

С утра солнечно. Я решаю выйти на свежий воздух, чтобы изобразить этот дивный день на своей картине. Пленэры для меня особенно важны, именно на них можно сбежать от реальности, суетных будней, целиком и полностью отдать себя творчеству, ощутить слияние с природой, подумать о чем-то своём и насладиться необыкновенной красотой родной земли. Совсем рядом с моим домом есть небольшой лесок, именно туда я сегодня и направлюсь. Взяв все нужные принадлежности - мольберт, холст, краски, кисти и воду - иду по узенькой тропинке, ведущей в чарующий мир. Оглядываюсь по сторонам, наслаждаясь ощущением того, что день будет прекрасным.

Хорошо сегодня в лесу! Ночью шёл мелкий дождик, а сейчас солнце освещает все уголки, даже самые тёмные и укромные, лучи его падают на паутинки, на которых сияют алмазами капельки росы. Выглядит это действительно волшебно, словно серебряные нити опутали весь лес.

Раскидистые ели и тонкие осинки обступают со всех сторон. Это стражники леса. Если посмотреть на верхушки деревьев – голова закружится. Поднимаю руки вверх, чтобы почувствовать каскадный свет, льющийся через все моё тело. Выхожу на симпатичную небольшую полянку и решаю устроиться здесь. Устанавливаю мольберт, случайно потревожив шмеля, который среди прошлогодней листвы устроил себе дом. Недовольно

шевелит лапками. Забавный... Внимательно рассматриваю его: «чёрный бархатный шмель, золотое оплечье», затем достаю блокнот и быстро делаю набросок. Вот так, дружок, не ворчи, я почти закончила. Все. Заботливо прикрываю его прелыми листьями – так, наверно, уютнее будет. Один лист осторожно кладу на ладонь – разглядываю: как просто невесомое полупрозрачное кружево, сотканное временем, изобразить на листе бумаги, как трудно найти для этого волшебства слова. В такие минуты понимаешь гений тех, кому был дан этот великий дар: «усталая красота» - так назвал бы это чудо поэт.

Отвлеклась. Раскладываю все нужное мне и приступаю к наброску. Штрих за штрихом - из-под руки появляются очертания величественных деревьев. Старательно вырисовываю густую крону с падающими наземь листьями, широкие многолетние стволы с дуплами, обнажённые бурые сучья.

Другова Наталья

Когда набросок готов, открываю свои краски и мазками стараюсь передать это состояние природы: светит солнце; выцветшая, пожелтевшая трава, уже иссохшая, стелется по земле; в каком-то медленном танце, плавно кружась, сверху падают листья. Через год и они превратятся в тлен. Немного отхожу назад – критическим взглядом оцениваю то, что получилось, одновременно вслушиваясь в хрустальную тишину. Мне кажется, что в такие мгновения все мы более ранимы, более восприимчивы к тому, что нас окружает.

А на картине, кажется, собрались все цвета и оттенки: тут есть и осинка, чьи красновато - бурые листья с лиловыми вкраплениями похожи на монетки, дуб с коричневыми желудями, вековые сосны и ели, упирающиеся своими вечнозелеными вершинами прямо в облака. Поднимаю глаза вверх: небо залито синевой. По нему плывут причудливые корабли – вечные странники. Завершаю картину (и как раз вовремя: погода сменилась - начал накрапывать дождь), нанося последние мазки. Кажется, неплохо получилось.

Начинаю собирать вещи с мыслью о том, что, когда приду домой, мама обязательно меня похвалит и за плодотворный день, и за чудесный рисунок. Свежий воздух заполняет лёгкие, принося спокойствие. В лесу пряно пахнет дымом и прелью. А ещё – тишиной. Осторожно переступая через корни деревьев, наблюдаю, как мелкий дождик впитывается в землю.

Лес - оркестр, где стуки и тайные звуки льются в тишине, оркестр, играющий одну симфонию за другой. Есть что-то в этом блеске на синем небе, в мелодии без звука, что делает меня счастливой. Здесь, ощущая время и пространство, я становлюсь сопричастной искусству, я вижу, внемлю и ... творю.

Человек без времени

Часто ли вы задумывались над тем, что было бы неплохо изменить что-то в прошлом. Пройти другим путем, сказать другие слова, сделать все иначе. Думаю, такие мысли посещали многих, но, разумеется, это всего лишь глупая фантазия. По крайней мере, так думает каждый из вас. Но один человек все же попытался воплотить эту глупость в жизнь.

Он был обычным молодым человеком лет двадцати, учился в университете, подрабатывал. У него была спокойная размеренная жизнь. Ничего не предвещало беды. Но жизнь так непредсказуема.

Была зима. Падал снег, а солнце еще не успело взойти. Наш герой ехал на работу по привычной для него дороге. Вдруг перед машиной появилась фигура. Герой попытался затормозить, но было уже поздно. Выйдя из машины, он ужаснулся. Под капотом его машины лежал мальчик лет девяти. Человек понимал, что произошло. Он моментально достал телефон и набрал номер скорой помощи. Когда приехали медики, человек не мог ничего толком объяснить, только невнятно проговорил, что-то вроде «Я наехал на него».

Когда мальчик был доставлен в больницу, врачи диагностировали повреждение мозга. Мальчик находился в коме. Мать ребенка подала в суд на героя, и он был осужден, и ему был назначен срок. Его уволили с работы еще в день той трагедии. Он был в отчаянии. Потеряв все, что имел, он не знал, что ему делать дальше. Время в заключении тянулось словно вечность. Он просто лежал, смотря в стену, почти не ел, возможно, даже не спал.

Однажды он все-таки встал и пошел в библиотеку тюрьмы. Его будто что-то звало к себе. Это странное чувство привело его к одной из книжных полок. Человек взял ту книгу, которая «звала» его. Это был нисколько не приметный сборник классической литературы. Он открыл его и начал листать.

Вдруг на одной из страниц книги он увидел странный символ, светившийся голубовато-серым цветом. Почему-то ему захотелось дотронуться до него. Как только пальцы коснулись символа, текст изменился: в нем говорилось о силе, которая способна повернуть время вспять. Человек не мог поверить, неужели это был шанс исправить все. Он читал, долго читал, читал постоянно. Теперь у него была цель – исправить свою роковую ошибку.

Прошел год, и герою показалось, что он наконец-то понял, как пользоваться той магией, что была описана в книге. Когда заключенным позволили выйти на улицу, человек встал в центр площадки, открыл книгу и начал бормотать что-то, на первый взгляд, невнятное. Все смотрели на него. В это же время небо начали застилать тучи, а героя окутало странное свечение того же цвета, что и тот символ, который он увидел тогда в книге. Начал дуть сильный ветер, а человека все сильнее и сильнее окутывало то невероятно красивое и

ужасающее сияние. И тут всю близлежащую территорию окутало сияние, ослепившее всех находившихся там людей.

Когда герой открыл глаза, он был у себя дома, в своей квартире. Вскочив с кровати, он резким движением взял телефон, чтобы проверить, какой был сегодня день. Это была та самая злополучная дата. «Неужели все получилось?» - подумал про себя человек. Когда он уже выезжал с парковки, то поехал по другому пути. Спокойно, но все равно не веря в происходящее, он доехал до здания офиса, где он подрабатывал. День был спокойным, безмятежным, таким, какие дни были всегда.

Вернувшись домой, человек заметил ту самую книгу, благодаря которой это все стало реальностью. У него начали возникать вопросы: «Что это за книга?», «Что это за сила», «Кто автор этой книги?». Но, прежде чем он смог ответить хотя бы на один из этих вопросов, перед ним появился странный портал оранжево-золотистого цвета, из которого вышли двое рыцарей в броне такого же цвета. Они схватили его и утащили в портал.

Когда они вышли из портала, герой увидел перед собой женщину в золотистом одеянии. На ее руках были странные браслеты, на ногах не было обуви. Голову украшала тиара, в центре которой блистал оранжевый камень, напоминающий песочные часы. Она смотрела на человека яркими оранжевыми глазами, которые, казалось, смотрели дальше, чем сам человек.

Стражи бросили героя к ногам женщины и встали на колени перед ней. Она спросила нежным и красивым, но с нотами фальши голосом у человека, кто он и откуда у него была магия безвременья. Герой был не в силах что-либо сказать, он смотрел в ее сторону с неподдельным видом ужаса. Она повторила свой вопрос, но уже менее добрым тоном, но, когда не услышала ответа, приказала что-то стражникам уже на языке, который герою не был понятен. Те отошли, и она сказала вновь на родном для героя языке: «Уже не важно, откуда у тебя эта сила, она угрожает моему правлению». В тот же момент она вытянула руку вперед. На ладони появилась странная круглая печать, в ту же секунду героя куда-то перенесло.

После телепортации он очутился в относительно большой комнате без крыши, где было несколько выходов. Снова прозвучал голос той женщины.

- Это твое наказание, - проговорила она, - лабиринт вечности, из которого нет выхода. Теперь ты будешь скитаться тут всю оставшуюся жизнь, а может и дольше.

- Но... - было хотел сказать человек, но голос его перебил.

- О, не беспокойся о своей жизни. Тебя все равно все забудут.

- З-забудут... - вторил последнему слову герой.

Голос затих. Человек начал испытывать то же отчаяние, которое испытывал в день несчастного случая. Даже когда он, казалось, все исправил, жизнь перевернулась уже

тремякратно. Что все это значит? Почему он здесь? Кто та женщина? Вопросов становилось все больше и больше

Тогда он услышал голос, принадлежащий мужчине.

- Медленно угасающая надежда, - послышался шепот, - какая она чарующая.

- Что, кто ты?! – гневно спросил герой.

- Я тот, кого ты освободил.

- Кого я освободил... - повторил человек.

- Да. Та книга была моим вместилищем, и теперь благодаря тебе я связан с тобой нерушимой связью.

- Да что здесь, черт возьми, происходит! - закричал герой и упал на колени. Он был напуган, заинтересован, но больше всего он хотел ответов. Голос продолжал.

- Ты же хочешь выбраться? - спросил он. Герой резко поднял голову. - Так я и думал. Что же, благодаря мне у тебя есть этот шанс.

Паренек молчал, он не верил своим ушам. Неужели есть шанс вернуться домой, забыть все это.

- Мы находимся в Мистемосе – мире, находящемся далеко за пределами вашей вселенной. Ключом к освобождению является книга, в которой я был и все еще запечатан, – голос на пару секунд замолк. - Поскольку ты теперь заперт в этом лабиринте, книга, не имея владельца, перенесет себя в другое место.

- Н-но... как она вообще попала на Землю? – все еще испуганно говорил герой. - Д-да и как мне теперь туда попасть?

- Я могу перенести тебя туда в виде фантома - нематериального существа из магической энергии - на небольшой промежуток времени. Единственной твоей задачей останется найти книгу.

- Это же может занять целую вечность, – сказал герой.

- Это не проблема, ведь ты теперь герольд безвременья.

- Что это значит?

- Ты бессмертен...

С того самого момента по миру стали ходить байки и легенды о странном духе, который появляется и просто ходит по миру в поисках чего-то. Кто-то даже говорит, что он напоминает им кого-то знакомого, но никак не могут вспомнить кого. Так и появился «Человек без времени». Звучит все это как полное безумие, но задумайтесь, на что способен человек, который потерял все.

Номинация «Литературный проект»

Кабаков Сергей

Пётр Великий – российский Император

Россия – великая многонациональная страна, крупнейшее государство мира. Сколько правителей было у власти! И все внесли свой определённый вклад. Кто-то был завоевателем и расширял границы нашей страны, а кто-то поднимал её культурный уровень. Но все, без сомнения, стремились к тому, чтобы Россия становилась могучее и была непоколебима.

Пётр I - первый император Российской империи. Я считаю его уникальным человеком. Понять, прочувствовать атмосферу того времени нам поможет посещение музея в Санкт-Петербурге «Домик Петра I». Дом построен из бруса. Крыша покрыта маленькими дощечками, имитирующими черепицу. Посещение внутри «Домика Петра I» запрещено, но мы можем заглянуть в него через окна. Как будто заглянув в «окно времени». Всё напоминает о Петре, его характере, пропитано эпохой того времени. Меня особенно поразил рабочий кабинет и столовая императора. Здесь царит особая атмосфера.

Пётр I был разносторонне развитым человеком. На его рабочем столе в «Домике Петра I» - шахматная доска. Вся мебель деревянная, резная. Пётр обучался дома (ну конечно, не в этом доме, о котором идёт речь). Его первые наставники были дворцовые мастера, которые и привили Петру любовь и уважение к труду. В его рабочем кабинете до сих пор хранится стул, сделанный собственноручно самим царём. В детстве ему изготавливали деревянное оружие, казалось бы, для потешных военных игр с его друзьями, а, впоследствии, он уже сам с лёгкостью мог делать то, что было необходимо. Большую часть своего детства он провёл в деревне. Там он создал своё первое «потешное войско». С возрастом игры переросли в дело всей жизни. Пётр I сумел организовать постоянную армию страны.

Боевые действия в те времена тоже перешли на новый уровень развития. Превосходство численностью народа, оружием уже не стало залогом победы. Нужна стратегия, смекалка! Но тут огромная проблема. Грамотность в те времена была очень низкая. Как управлять малограмотным войском?! Люди даже не знали право, лево. Пётр I и сам получил домашнее образование. Но, несмотря на это, понимал всю важность и необходимость обучения. Именно поэтому, обучению Пётр I уделял особое внимание. В кабинете до сих пор хранится его книжный шкаф. Пётр знал несколько языков: русский, голландский, французский, английский, немецкий. Человек может научиться всему, если

только у него имеется цель. Благодаря смекалке Петра, малограмотные солдаты стали различать правую и левую сторону, а это очень важно в военной подготовке. В обучении использовал всем доступные средства: к левой ноге приматывали сено, а к правой – солому. Пётр I оказался прекрасным стратегом и руководителем армии. Его близкий друг Александр Данилович Меншиков был правой рукой Петра в ведении военного дела. Федор Ромодановский был наместником Петра, то есть, заменял его, пока Пётр Великий был в походах. Франц Лефорт помог Петру I перейти в самостоятельную внешнюю политику, и был удостоен звания майора 1-ого полка. Федор Головин - глава внешнеполитического центра, генерал-фельдмаршал военно-морского флота. Пётр I доверял своему близкому окружению. Это были проверенные годами дружбы люди. Все они действовали сообща и в итоге расширили территориальные границы нашей страны.

Все люди при рождении наделены какими - либо умениями, способностями. Меня удивляет тот факт, что Пётр I, будучи императором, с лёгкостью брался и за простую крестьянскую работу. Его абсолютно ничего не останавливало. Он твёрдо шёл к своей цели. Главное, найти себя, своё дело. Но, как говорится, личностью не рождаются, личностью становятся. И Пётр I доказал своими поступками, решениями, что он, Первый Российский император, деятельный, могучий, остроумный, решительный, жестокий, но справедливый. Именно такие мысли посетили меня, после того как я увидел роскошный парадный военный мундир императора, бережно хранящийся в спальне Петра.

Благодаря своему острому уму и решительности, Пётр I был непоколебим в принятии решений. Провёл множество разных реформ для развития внутренней политики страны. Его идеи воплощались в реальность, были действенны и «хорошо приживались» в обществе, а также сохранились и после его смерти. Практически все люди беспрекословно подчинялись ему. Навыки нарушителей закона использовал с пользой для страны. Он был последним князем Руси и первым императором Российской Империи, которую он создал. Именно с его правления и началась новая эпоха развития страны.

Пётр I много путешествовал. Он был очень любознательным. Всегда «подчёрпывал» что-то новое для своей родины. Так в Россию был завезён картофель, рис. Но, конечно, не только продукты питания Пётр привёз из других стран, но и предметы интерьера, украшения, мебель. Император очень любил природу. Сам занимался садоводством, привозил разные растения из других стран и охотно ухаживал за ними. Об этом свидетельствует множество вещей, привезённых из других стран, хранящихся в «Домике Петра».

Вся атмосфера наполнена культурой того времени. Вообще вещи, находящиеся в доме Петра можно разделить на две части. Первые, сделанные собственноручно русскими мастерами или самим Петром, а вторые – привезены из-за границы. С одной стороны чувствуется гордость за свою страну. Например, в столовой можно увидеть бокалы, выдутые на первом стекольном заводе, щипцы из русского металла. Стол и стулья выполнены из дерева, но на английский манер. С другой стороны, ощущается европейская культура. Именно Петру I принадлежала идея создания первого музея с целью просвещения госслужащих, а также всего народа. И в настоящее время любой желающий может посетить знаменитую Петровскую Кунсткамеру, прикоснуться к тому времени, познакомиться с культурой и бытом других стран в разные периоды времени. Очень важно, что музей был открыт уже после кончины Петра I. Значит, он сумел убедить своих приемников в необходимости его создания и дальнейшего развития музейного комплекса.

Я удивляюсь и восхищаюсь Петром I. Как руководитель в период своего правления он расширил границы государства, открыл выход к Балтийскому, Азовскому морям. Открытие морских границ - это крупнейший шаг экономического и политического развития. Пётр I – основатель морского флота страны. Его заслуги неопределимы. Он сам лично досконально изучал кораблестроение, используя зарубежные практики. Кстати, в «Домике Петра» сохранилась его первая самодельная лодка. Пётр I внёс весомый вклад во внутреннюю политику страны. Он настоящий патриот своей страны. Развивал свою Родину, не останавливался на достигнутом, всегда узнавал что-то новое за рубежом и использовал с пользой для своей страны. Многие дела, идеи Петра I сохранились до наших дней. Одарённый способностями, он смог воплотить их в жизнь.

Это был человек – дело, который быстро твёрдо принимал решения, не останавливался на достигнутом, ставил новые цели и добивался их, открывая тем самым новые горизонты как для всей страны, так и для простых людей. Чего стоило строительство Санкт-Петербурга?! Эта идея осенила Петра и не давала ему покоя. Это город, построен по особым принципам и канонам. В его строительство Пётр внёс всю свою душу и воплотил, быть может, город своей мечты, открывая новую светскую культурную жизнь. Ведь и сейчас для людей это город мечты с невероятной архитектурой, скульптурами, фонтанами, разводными мостами. Это, можно сказать, город, по которому можно просто гулять, «разинув рот» от восхищения. И это только одна из заслуг Петра.

Не зря «Домик Петра» находится в Санкт – Петербурге. Действительно, побывав там, тебя переполняют эмоции, как будто ты прикоснулся к чему-то таинственному. Вроде бы все знают неоценимый вклад Петра в историю России, но именно такие, я бы сказал,

«встречи» действуют на тебя по-особому. Такое ощущение, что побывал в гостях у самого Петра I. Пропитался петровской атмосферой, желанием действовать, побеждать, достигать цели и постигать новые рубежи своих желаний. Я покидаю «Домик Петра» с великой гордостью за свою страну, за свою Родину. Я обязательно вернусь вновь прикоснуться к этой великой петровской эпохе переворотов.

О, Пётр I! Он Великий
Могучий русский император
В тяжёлую эпоху жизни
Россию на ноги поставил.

Он был умён. Прекрасно складен.
Он изумительный был тактик...
Рубеж российский укрепил
И русский дух одушевил.

Не зря чрез многие года
Мы чтим и помним вклад Петра.